

Валентин ПРОНИН

ЗАВЕЩАНИЕ МЕССЕРА МАРКО

Серия исторических романов

Валентин Пронин

**Завещание мессера
Марко (сборник)**

«ВЕЧЕ»

2006

Пронин В. А.

Завещание мессера Марко (сборник) / В. А. Пронин —
«ВЕЧЕ», 2006 — (Серия исторических романов)

ISBN 978-5-4444-8521-7

В новую книгу известного писателя и историка Валентина Пронина вошли две историко-приключенческие повести о знаменитых европейцах-путешественниках. Повесть «Завещание мессера Марко» рассказывает о необычайных приключениях известного венецианского купца, дипломата и писателя Марко Поло (1254–1324), совершившего многолетнее путешествие через страны Средней и Центральной Азии в Китай и больше пятнадцати лет состоявшего на службе у хана Хубилая – внука Чингисхана, завоевателя и правителя Китая, – в качестве его официального торгового и дипломатического представителя в Индии, Иране и Персии. Повесть «Великий поход командора» посвящена знаменитому португальскому мореплавателю, торговцу и пирату Васко да Гаме, графу Видигейра (1469–1524), который на четырех маленьких каравеллах в компании со своим братом Пауло совершил в 1497–1498 гг. беспрецедентное плавание от Лиссабона до Каликута, расположенного на Малабарском берегу Индостана, проложив морской путь в сказочную страну пряностей и золота.

ISBN 978-5-4444-8521-7

© Пронин В. А., 2006

© ВЕЧЕ, 2006

Содержание

Завещание мессера Марко	6
Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	18
Глава пятая	24
Часть вторая	28
Глава первая	28
Глава вторая	30
Глава третья	34
Глава четвертая	36
Глава пятая	42
Глава шестая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валентин Пронин

Завещание мессера Марко (сборник)

© Пронин В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Завещание мессера Марко

Часть первая Пристанище кораблей

Венеция ныне самый прекрасный и приятнейший город во всем свете...

Мартино да Канале, XIII в.

Глава первая

Пригоршня островов рассыпана по лагуне. У самой воды тесно стоят деревянные дома на сваях и каменные церкви с высокими кампанилами. Десятки каналов перегорожены на ночь цепями. Нависли горбатыми арками мосты, их византийское изящество не в гармонии с соломенными крышами и затхлой вонью каналов.

Иной раз на отдаленной улочке мелькает тусклое пятно фонаря, движутся неясные силуэты, слышатся голоса. Внезапно глухую ночь вспарывает истошный вопль, беспорядочный топот, и опять опускается тишина, зыбкая и недобрая. Пляшут на отсыревших стенах отсветы факелов, – гулко шагая по выщербленным плитам, стражники с алебардами спешат к месту происшествия, натываются на неподвижное тело и, зацепив крючьями, волокут его к мосту Риальто для утреннего опознания.

Так случается, но сегодня в Венеции спокойно. Патруль последний раз обошел свои кварталы. У Санта-Кроче двое неизвестных, проворные и бесшумные, как летучие мыши, без плеска опустили под воду укутанный мешковиной труп, и некто удачливый и отважный благополучно выбрался из опочивальни солидного купеческого дома.

В темной воде меркнет отражение звезд. Дымятся каналы. Венеция еще дремлет в сером полумраке рассвета, ее набережные пустыжны. Сонно плещет волна, скрипит ржавая цепь, подает голос дневная птица...

Между тем невидимая кисть провела по восточному краю неба розовую полосу. С моря налетел прохладный, солоноватый ветер – сотни гондол закивали изогнутыми носами у причальных столбов, на мачтах галер и фелук щелкнули стяги, тихо звякнули колокола старинной церкви Сан-Джакомо ди Риальто.

Галки и воробьи, бойко гомоя, слетелись на грязную, заплеванную Пьяцетту.

По улицам бродили длиннорылые свиньи из монастыря святого Антония Падуанского: рылись в кучах мусора, чесали бока об углы домов, карабкались по крутым мостам. В их утробном хрюканье слышалось предостережение каждому, вздумавшему их потревожить. Хранимые незримым заступничеством святого, эти свиньи пользовались боязливым уважением горожан.

Показался край солнца, легкие облака вспыхнули и рассеялись, открыв голубоватые линии гор. Небо над Адриатикой распахнулось – стало ярко-синим, радостным и бездонным.

Звонко ударили на колокольне святого Марка – спугнули пеструю стаю голубей, взлетевших над собором, над Дворцом дожей, над соломенными и черепичными крышами.

Подплывали крутобокие лодки, накренив выцветшие, заплатанные паруса. Рыбаки выгружали корзины со свежим уловом и покрикивали на мальчишек-помощников просоленными голосами: «Эй, Ванни! Эй, Спинеллоццо! Живей поворачивайтесь!» Благодатное изобилие осени пестроцветным потоком затопило венецианские рынки. Барки огородников

тяжело оседали под грудами тыкв, арбузов, огурцов, редьки, салата, спаржи, капусты. Белокурые толстухи с Оливоло и Луприо расставляли под полотняными навесами корзины с персиками, гранатами, яблоками, лимонами. Веронцы привезли на тележках запечатанные смолой остродонные амфоры с вином, падуанцы – мед, равеннцы – оливковое масло, тревизцы – деревянные клетки с откормленными каплунами и индейками.

По гладкой поверхности каналов, по живописной мешанине торговых рядов, по скользким ступеням, белесым от налета соли, хлестнули, отдаваясь раскатистым эхом, веселые возгласы и гортанный смех.

Бородатые горцы в войлочных шапочках пригнали баранов, переполнивших тесные улочки ревом, бляньем, душным запахом пыльной шерсти. Постукивали копытами вереницы смиренных ослов, несущих плетенки с козьим сыром и кувшины с молоком. Угольщики тащили мешки древесного угля, харчевники разжигали жаровни, торговцы открывали лавки. Ремесленники стояли у порога мастерских и, переговариваясь, ждали боя цеховых медных бил – до этого нельзя было приступить к работе. Опухшие от пьянства нищие, злобно ругаясь между собой, обнажали гнойные язвы, выставляли увечья и брели к церквям кланяться у первых прихожан.

Старый дом на узенькой набережной в приходе Сан-Джованни Кризостомо издавна принадлежал купеческой семье Поло, происходившей из далматинских славян. Дом походил на отслуживший корабль, навечно пришвартованный близ монастыря Сан-Лоренцо. Деревянные стены, крытая дранкой кровля и покосившаяся дверь – все почернело от времени и зимних туманов.

Седобородые говорили, что дом построен еще до крестовых походов. Выходцы из Далмации старались не отставать от предприимчивых сынов лагуны, а как раз тогда венецианцы торопливо забивали сваи новых построек и оснащали галеры, будто предвидя наступление рыцарства на Византию и сарацин.

Старый дом знал времена торжеств и веселья, теперь он мрачно ветшал, будто не надеясь больше на удачу своих хозяев.

Солнечные лучи проникли в сырую, темную комнату и осветили лицо спящего юноши, пятнадцатилетнего Марко. Рядом заворочались маленькие братья, стянули с него шерстяное одеяло. Он открыл глаза и, взглянув на окна, улыбнулся: за окнами сияло солнце и бирюзовое небо.

Марко потянулся, изогнув смуглое тело. Потом быстро надел короткие штаны, рубашку с широкими сборчатыми рукавами и красный жилет. Сунув ноги в грубые башмаки, выбежал во двор, тесный и гулкий, как колодец. От стен, покрытых холодными каплями росы, и от сточной канавы воняло нечистотами.

Особой опрятностью венецианцы не отличались. Она казалась излишней, подозрительной, даже враждебной христианскому обычаю. Утренний туалет ограничивался пригоршней воды и причесываньем давно не мытых волос.

Дом Поло проснулся: стучали двери, гремела оловянная посуда на кухне, по сумрачным переходам разносились звонкие голоса сыновей и дочерей донны Флоры – тетки Марко по отцовской линии.

Марко никогда не видел ни отца, ни матери. Никколо Поло с братом Маффео пятнадцать лет назад уехали торговать в Константинополь, а оттуда еще дальше – через Крым в татарские степи. Никколо уехал, оставив дома беременную жену. Она умерла при родах, и мальчик вырос в семье донны Флоры, среди ее законных и побочных детей.

Донна Флора вздыхала и молилась о возвращении братьев. Торговые дела семьи совсем расстроились. Донна Флора вела домашнее хозяйство благодаря помощи состоятельных родичей. Овдовев, она произвела на свет еще троих детей, что, впрочем, никого не смутило.

Такие случаи не были редкостью: многие имели побочных детей и в завещании не забывали указать причитающуюся им долю наследства.

Донну Флору считали благочестивой христианкой и доброй матерью. Она не утомляла детей назиданиями и предоставляла им полную свободу.

Когда Марко подрос и освоился в жизни венецианских улиц, он уже не мог подолгу находиться дома. С приходом весны в него словно вселялся непоседливый бес: начинались бесконечные путешествия по островам, набережным и верфям.

Марко любовался и восхищался красотой Венеции.

Где еще можно увидеть собор величественней Собора Святого Марка и дворец прекраснее Дворца дождей? Куда приплывают ежедневно корабли со всех стран света? Какой город богаче и многолюднее Царицы Адриатики? На эти вопросы Марко Поло, как и все его соотечественники, не искал ответов. Он твердо знал, что лучше Венеции нет города на земле.

Гондолеры смеялись и пели, выплывая из тесноты каналов на простор лагуны. Перед ними, будто со дна морского, вставала церковь Сан-Джордже Маджоре – среди ослепительного сияния неба и воды.

Марко пел вместе с веселыми лодочниками под мерные взмахи весла. Он бегал глядеть на спуск новых галер со стапелей знаменитого Арсенала, на соревнования кулачных бойцов и стрелков из арбалета. Он участвовал в лодочных гонках по Большому каналу, в карнавалах и торжественных шествиях.

Целыми днями он играл и забавлялся. Когда же звучал колокол, возвещавший о тушении огней, он с неохотой возвращался в старый сумрачный дом и с восходом солнца вновь летел на шумные площади и сверкающие каналы, к кудрявым волнам, ласкавшим песчаную косу Лидо.

Глава вторая

У пылающего очага суежилась толстая кухарка Катаруцца. Ей помогала молоденькая Занина.

– Эй! – крикнул Марко с порога. – Эй, Занина! Дай-ка мне быстрее поесть!

– Опять бежишь к своим беспутным друзьям? Господи, помилуй! Ну, ничего, скоро уж тебя женят. Вот и придется в лавке тестя с утра до вечера взвешивать да отмерять...

Занина постоянно шутила и посмеивалась над ним. Марко волновали ее лукавые взгляды. Он невольно краснел и следил исподтишка за каждым движением стройной девушки.

Занина поставила перед ним тарелку с жареной рыбой, мелко нарезанным луком и солеными оливками. Положила рядом хлебец. Придвинула локтем глиняный кувшичник с вином и вызывающе подбоченилась.

Оглянувшись на Катаруццу, Марко неожиданно решился и хотел обнять девушку, но она только фыркнула:

– Вот еще! Не очень-то распускай руки!

– Ты обижена на меня, Занина?

– Я обижена?! Да за кого ты меня принимаешь! Не так-то легко меня обидеть.

– Сегодня я буду ждать тебя у монастыря...

– Скорее я провалюсь ко всем чертям, чем приду! Святая Инесса, спаси меня от греха!

– Клянусь моим патроном, монсиньором святым Марком...

– Господи, да что мне до твоих клятв! Я ведь не рабыня, а дочь венецианского гражданина, ты не забыл? Вот станешь купцом, купишь себе покорных рабынь, не умеющих и слова молвить на христианском наречии, ими и помыкай.

Они говорили сквозь зубы, неразборчивым быстрым шепотом, но кухарка все расслышала опытным ухом сплетницы и ехидно захихикала.

– Погоди, Занина...

– Но, Марко...

– Я все равно приду...

– И напрасно!

Отворилась дверь, шелестя камчатым платьем, вошла донна Флора – сохранившая свежесть, дородная сорокалетняя матрона.

Марко и служанки поклонились смиренно. Донна Флора испробовала стряпню, поморщилась и принялась сердито выговаривать Катаруцце – ясно, что хозяйка встала не с той ноги! Обиженно сопя, Катаруцца с грохотом передвигала кастрюли.

Марко торопливо налил в стакан вина, запил рыбу, а руки вытер о штаны. Занина норовисто постукивала каблучком, с трудом удерживаясь от смеха.

Донна Флора разбушевалась.

– Трепаная мочалка! Собака паршивая! Лентяйка! – поносила она кухарку. Дальше следовали выражения, застревавшие в горле у ханжей, а в судебных разбирательствах объявлявшиеся богохульствами, но венецианцы, венецианки – и в том числе донна Флора – употребляли их каждую минуту с большой энергией.

Наконец, оставив Катаруццу в покое, донна Флора искоса посмотрела на племянника и Занину.

Ничего не поделаешь, Марко становится мужчиной. Хватит ему гулять, пора уже заняться делом при каком-нибудь родственнике, сдающем корабль под извоз и берущем три процента от стоимости груза.

Донна Флора сказала укоризненно:

– Когда ты научишься себя вести, как воспитанный молодой синьор?

Марко давно выучил, что добропорядочный гражданин, допускаемый к общественным собраниям и пирам, чашу с вином должен брать только обеими руками и что нельзя заглядывать в чужую тарелку, ковырять пальцем в зубах и сидеть на скамье, скрестив ноги.

«Ох, уж эти простодушные тайны чуть оперившихся петушков и курочек!» – Скрывая усмешку, донна Флора мерила юношу сердитым взглядом.

Племянник пригож: лицом в покойную мать, силой в брата Никколо. А у девчонки тугой лиф, каштановая коса, вишневые губы – и ведь не постоит спокойно: вертится, кокетничает, стучит каблучком, как ретивая кобылка копытом.

– Гляди у меня, Занина...

– А что? В чем я провинилась? Клянусь святой Инессой...

Окончив завтрак, Марко на мгновение поднял глаза вверх, пошевелил губами и перекрестился.

Донна Флора взяла из рук Катаруццы корзину с едой и бутылку вина.

– Отнеси фра Протасио, – сказала она племяннику.

Марко схватил корзину, побежал из кухни по коридору, выскочил за дверь и зажмурился – после сумрака комнат солнце ослепило его.

Пахло плесенью, гнилой рыбой и солью. Множество гондол уже сновало по зеленой воде каналов. В глазах рябило от пестро одетой, спешащей во всех направлениях толпы.

* * *

Доминиканец Протасио слыл ученым и праведным монахом. Многие годы он был духовником семьи Поло, исповедуя, утешая в тяжелые минуты, приходя на помощь житейским или юридическим советом. Он жил неподалеку, на Рио-дель-Греки.

Марко любил наблюдать, как старик переписывает молитвы на выскобленные желтоватые листы пергамента, и, стоя за его спиной, пробовал разбирать латинские строки. Получалось плохо, но Марко не огорчался. Он понимал немного по-французски, это казалось ему гораздо важнее латыни: французский становился языком королевских дворов, и при заключении торговых сделок на нем объяснялись купцы всех стран Европы.

Фра Протасио рассказывал юноше об отважных мореплавателях и славных рыцарях, сражавшихся в Палестине «за гроб Господень». Описания их подвигов и путешествий сопровождались явственно бьющим в уши, соблазнительным звоном золота. Пряности, яркие камни, оружие, рабы, пестротканые одеяния... Это занимало всех на набережной – толсто-сумов и нищих. И, как всякий венецианец, Марко тоже мечтал разбогатеть, плавая под осеняющим наживу лазоревым флагом республики. Снискать уважение сограждан, жениться на красавице из знатной семьи, иметь под рукой верных телохранителей и слуг, к почтенному возрасту надеть пурпурную мантию сенатора, а может быть, и шапочку дожа – все было возможно в процветающей и веселой Венеции. Богатство поможет увидеть порты туманной Англии, куда плавают за оловом и сельдью, побывать в огромном, многоязыком Константинополе, у русов и буртасов, населяющих северные леса, скупать драгоценные меха и речной жемчуг, проплыть от диких татарских степей до Аккры и Александрии и, если благосклонна будет судьба, дойти по неведомым путям до сказочной страны индов, полной несметных сокровищ и чудес...

Поверхность каналов рябила от дождя, над лагуной стлался сивый туман. Марко разжигал очаг, садился напротив мудрого старика и продолжал внимательно слушать его неторопливое повествование.

Много лет назад фра Протасио, в числе других бродячих монахов, прошел пешком от Калабрии до отрогов Альп. В воспоминаниях старика бурлила многоцветная яростная жизнь: горели разграбленные селения, звенели клинки враждующих патрицианских семей, растревоженными ульями гудели восставшие против феодалов города, корчились на кострах обугленные тела еретиков и колдуний, а в придорожных тавернах пьянствовали, орали песни, тискали девок папские шпионы, бандиты, пастухи с Абруцких гор, сбежавшие из наемных армий солдаты и бормочущая молитвы, лукавая странствующая братия. Но среди дыма и разора, вопреки тревогам и смутам пели в садах соловьи, цвели мирты и розы, и происходили поразительные любовные истории с тайными свиданиями, дерзкими похищениями и бешеными скачками в ночном мраке.

* * *

Монахи-переписчики обитали в низеньком деревянном доме, разделенном на отдельные кельи. Войдя к своему духовнику, Марко неожиданно увидел незнакомца в черной засаленной одежде, с четками в руках. Незнакомец дремал: клевал красноватым носом, выставив давно не бритую, щетинистую тонзуру. Заметив Марко, он живо поднялся и подошел.

– Молодому синьору нужен Протасио, наш мудрый брат? – гнусаво заговорил носатый и хитро сощурил круглые глаза. – О, святой Бенедикт! Какой завтрак принесли праведному Протасио для подкрепления его немощных сил! – Он потирал волосатые руки, далеко вылезшие из коротких обтрепанных рукавов. – Господь не сочтет эту трапезу и за малый грех, ибо нет здесь отступления от поста, да и не найти человека более воздержанного и усердного в молитве...

Марко сразу понял, что имеет дело с одним из тех монахов, которые сотнями толкуются по улицам, навязывая горожанам ладанки с мощами и бутылки со святой водой, готовые состряпать за плату прошение или донос, присутствовать при торговом договоре, лжесвидетельствовать на суде и даже украсть, если представится возможность. Недаром старинная

венецианская пословица предостерегает от них наравне с портовыми путанами и скользкими каменными ступенями.

– Ах, какое вино! – восклицал носатый, причмокивая губами. – Слава Создателю, какие крупные, ароматные плоды! Слава Троице Единосущной...

– Где же падре? – перебил его Марко.

– Праведный Протасио понес к лучшим переплетчикам в Венеции новый молитвенник святого отца епископа. – Носатый благоговейно закатил круглые глаза.

Марко насупился: откуда дьявол принес этого выжигу? И почему фра Протасио доверяет ему? Впрочем, проходимец нередко втирается в доверие к честному человеку. Как быть? Марко не хотелось оставлять корзину с провизией на попечение разговорчивого гостя фра Протасио, но его манил бодрый шум пристаней и хохот венецианских мальчишек.

– Моя тетя, донна Флора, обещала сама провести фра Протасио после обедни, – сказал Марко многозначительно. – С нею придут двое слуг – Джузеппино и Паулиццо, парни здоровенные, хоть кого проучат. Так что, я надеюсь...

– Конечно, конечно, – торопливо заверил его монах, прижимая ладони к груди. – Я сохраню трапезу почтенного брата так заботливо, что ни одна муха не посмеет сесть, можешь на меня положиться. Иди спокойно по своим делам. Молодого синьора зовут... Марко? О, имя нашего патрона, монсиньора евангелиста! Да будет благословение его над тобой! Во имя Отца, Сына и Святого Духа...

Гнусавое завывание осталось за дверью, но вот опять из-за двери высунулся большой красноватый нос с настороженно шевелящимися ноздрями, и владелец его спросил:

– Может быть, молодой синьор купит волос святого Сикста? Стоит совсем недорого...

Монах спрашивал нерешительно и вкрадчиво – ведь он видел перед собой не иностранца, не набожную узколобую кумушку, не деревенского простака, а истинного сына Венеции. Монах предлагал заведомо жульническую сделку, но, видимо, сомневался в успехе – и не зря.

Марко рассмеялся и пошел прочь. Разумеется, он верил, что мощи святых исцеляют недуги, приносят удачу и ограждают от козней дьявола. Но то – настоящие мощи, а у этого проходимца наверняка что-нибудь подозрительное и, скорее всего, подделка. Нет уж, пусть надувает других! Марко Поло ему не провести!

* * *

Кругом торговали чем придется, обманывали, уговаривали, расхваливали товар, рвали друг друга за грудки, хватали ускользавшего покупателя за полу, били ладонью о ладонь... И так же бойко, как и всем остальным, на улицах Царицы Адриатики торговали волосами, костями, лоскутьями одежд святых праведников. Такого добра хватало с избытком!

Отойдя немного от Рио-дель-Греки, Марко услышал среди уличного гомона яростный всплеск брани и поспешил разузнать, в чем дело. Тут же, на углу, он столкнулся со стайкой стремительно разбежавшихся и пронзительно визжащих мальчишек. Они, видимо, и были зачинщиками скандала. Напротив, в распахнутой двери одного из домов, показался тучный седовласый горожанин. Он яростно сжимал кулаки, пыхтел и обливался потом. За ним, с воздетыми к небу руками, выскочила растрепанная служанка. Позади четверо слуг горлалили вразнобой и бестолково махали палками.

Прохожие останавливались поглазеть на преследование отчаянных сорванцов.

Венецианские мальчишки, целыми днями играющие на пристанях, постоянно искали забав и приключений. Иногда их буйное веселье заходило так далеко, что становилось тяжким для окружающих. Приходилось вмешиваться властям: родственников вызывали в суд, где им предлагали укротить своих отпрысков и возместить нанесенные ими убытки.

Причину нынешнего скандала Марко так и не узнал достоверно. В толпе толковали, что озорники кого-то чем-то облили, что-то перевернули... Словом, это было одно из тех бесчисленных происшествий, когда потерпевшие чувствуют себя нестерпимо обиженными, а посторонним вся история кажется вовремя подвернувшейся потехой.

Только что начавшаяся погоня внезапно закончилась. К удовольствию уличных зевак, бежавший впереди тучный старик запутался в полах своего длинного тафтяного балахона и грузно повалился под ноги служанке. Она с разбегу упала через него, слуги остановились в растерянности.

Мальчишки уже находились по другую сторону канала, торжествуяще вопили, приплясывали и кривлялись. Марко хохотал, откинув голову и взявшись за бока. И кругом хохотала, сверкая зубами, смуглая, горластая, бессовестная венецианская толпа.

Зеваки окружили пострадавших, но даже не думали им сочувствовать. Они радовались, как дети, неожиданному развлечению и наперебой острили, всплескивая руками и изгибаясь от смеха.

– Послушай, красавица, чего ты дожидаясь с задранным подолом?

– Почтенные синьоры, кто еще хочет покататься верхом на борове, пожалуйста сюда!

– Эй, дядя, хватит возить девку на спине! Тут и кроме нее много желающих...

– Мерзавцы! – завизжала служанка, поднимаясь. – Чтоб у вас лопнула утроба, безбожники! Чтоб околели ваши отцы и матери! Чтоб выкинули ваши жены!

– Негодяи! – присоединился к служанке хозяин. – Вы потворствуете сатанинским ублюдкам и смеете издеваться над заслуженным гражданином! Эй, Пьетро, Уго, Губошлеп, Мордастый! Что вы стоите, глупые бараны? А ну, гоните прочь этих висельников!

Пришедшие в себя слуги бросились разгонять насмешников. Замелькали кулаки, и вновь загремела изошренная ругань, на которую венецианцы такие мастера.

Глава третья

Всего два-три года назад Марко был таким же вертлявым сорванцом, как и затеявшие скандал мальчишки. Пожалуй, он мог бы припомнить немало подобных случаев. Вот, например, какая забавная история приключилась с ним однажды, во время праздника святого Розария.

Торжественно двигался крестный ход. Впереди несли большие свечи в золотых трехгнездных подсвечниках и ковчег с мощами. Епископ в полном облачении вздымал усыпанный алмазами крест. Хор благостно пел литании и псалмы. Теснившиеся толпой богомольны усердно подпевали. Знатные венежанки в бархатных и парчовых платьях опускались на колени, прямо в жидкую грязь. Больные и калеки ползли за чудотворным ковчегом, царапая себе лицо скрюченными пальцами, – молили святого об исцелении, и многие в толпе плакали от умиления так обильно, что одежда их промокла от слез.

Во главе процессии шли мальчики и девочки в белом с оливковыми ветвями в руках. Каждый мальчик и каждая девочка представляли какого-нибудь святого и носили его имя. Такова была эта костюмированная мистерия, не более смешная и напыщенная, чем всякая другая игра, придуманная людьми.

Марко не попал в число «святых», он плясал в группе перемазанных сажей бойких шалунов, изображавших дьяволят. Они визжали, гримасничали, выкидывали всякие замысловатые шутки, стараясь смутить или рассмешить «святых». А те изо всех сил сохраняли невозмутимость, что и символизировало героическую стойкость Божьих угодников перед искушениями Сатаны.

Марко с одним из «дьяволят» избрал своей жертвой красивую девочку лет двенадцати, у которой сквозь белый холст уже проступали зреющие формы. Вначале они ограничива-

лись тем, что корчили смешные гримасы и говорили ей пошлости, усвоенные у портовых сквернословов. Но девочка продолжала шествовать, достойно сохраняя благолепие и покой. Тогда оба «дьяволенка», совсем обнаглев, принялись наперебой щекотать и щипать ее.

Краснея от стыда и злости, бедная «святая» не выдержала. Она стукнула Марко крепким кулачком по носу и, плача с досады, стала хлестать оливковой веткой его товарища.

Богомольные венецианцы остолбенели, но через мгновение разразились дружным смехом и рукоплесканиями. Они хватались за животы и тыкали пальцами друг друга, не в состоянии выразить свой восторг, неистовую жизнерадостность и христианское торжество. Марко и его приятель позорно бежали, сопровождаемые улюлюканьем и подзатыльниками.

От таких воспоминаний разгоралась кровь, а на губах невольно появлялась озорная улыбка. Губы растягивались прямо-таки к ушам, в беззвучном неудержимом хохоте сверкали зубы этого веселого, живого и быстрого, как ласточка, молодца, этого ясноглазого непоседливого отпрыска семьи Поло: «Вот уж было дело-то, братцы, клянусь моим патроном монсиньором евангели... ха-ха-ха!»

В том возрасте, когда дети севера еще холодны и наивны, Марко, выросшего под солнцем Адриатики, среди легких и открытых нравов Венеции, давно влекло к ее смешливым и снисходительным дочерям. Он окидывал зорким взглядом и замечал каждую.

Размахивали руками и пронзительно зазывали покупателей широкобедрые, загорелые торговки. Деловито пробегали молоденькие служанки, вызываясь поглядывая на встречаемых мужчин. У дверей таверны обнимались с матросами пьяные портовые девки. В сопровождении слуг горделиво проходила роскошно одетая патрицианка с тонкими пальцами и надменным изгибом бровей. Таинственно улыбалась не менее нарядная синьора из «особого» квартала Кастеллетто. Тихо ступали пухлые, сладкоглазые порочные монахини.

Марко шел, глубоко вдыхая знакомый соленый запах, – запах этот пропитывал жилища и церкви, волосы красавиц и лохмотья нищих. Он спешил к самому центру, к главной святыне всей этой россыпи бестолково застроенных островков, воняющих рыбьими внутренностями, усыпанных мусором и сотнями мостов связанных в одно целое.

У собора Святого Марка грелись на солнышке старики и шумно играли дети. Орава нищих гнусавила и хныкала, выпрашивая милостыню. Поговаривали, что среди венецианских попрошайек немало состоятельных людей: мелкие монеты, а иногда и серебро сыпались в их грязные ухватистые ладони. Подаяние «во имя Господне» было неоспоримой христианской добродетелью, и многочисленные паломники спешили таким способом обеспечить себе спасение души.

Напротив собора, в тени лип и платанов, жевали хлеб крестьяне из окрестных деревень, пришедшие поклониться мощам евангелиста. В темных одеждах, с ханжески постылыми, будто заспанными, лицами двигались к собору нескончаемой вереницей богомольцы из дальних селений и городов. Среди них проталкивались, оживленно спорили и смеялись разодетые в атлас и меха коммерсанты, профессиональные игроки в кости и просто богатые бездельники, начинающие свой день со сплетен и гуляний по Пьяцетте.

У самого берега возвышались две колонны из красного гранита. На одной стояла статуя Святого Феодора – первоначального византийского покровителя Венеции, а другая колонна пока была без завершения. Крылатого льва святого Марка – достолавный герб купеческой республики – тогда еще не успели водрузить, он появился значительно позже. Небольшое расстояние между колоннами провозгласили местом вольностей: здесь разрешались игры в кости, карты и латрумкулорум. Целыми днями вокруг дощатых столов толпились зеваки, любопытные иностранцы и обезумевшие от губительной страсти несчастные, оставлявшие на игорных столах последнее сольдо.

Марко заметил, что сегодня столы убраны, разочарованные шулера расходятся, а плотники торопливо сколачивают деревянный помост: готовилась чья-то казнь. Это было не

слишком редкое, но все-таки привлекающее общее внимание событие. Словно в насмешку пороли, вешали, рубили головы и жгли на кострах тоже здесь, на месте официальной свободы, у сверкающей голубой воды.

Вверху, над кишачей народом площадью, блистала на солнце четверка отлитых из великолепной бронзы коней – произведение гениального скульптора Эллады. Кони украшали когда-то триумфальную арку в Риме, затем византийский императорский ипподром и, наконец, после разграбления крестоносцами Константинополя, в качестве трофея были доставлены на галерею главного собора Царицы Адриатики.

Марко вошел в один из проемов входа, мимо барельефов с орлами, драконами, охотниками, крестьянами, женщинами и детьми, изображенными в жанровых и фантастических сценах. Воссозданный искусством мастера, щедрый, красочный мир действительности и легенд зачаровывал Марко, давал толчок его юному воображению, заставлял задумываться и грезить.

Под могучими сводами, в полумраке и дымке ладана мерцали мраморные колонны, привезенные венецианскими корабельщиками из древних храмов Греции, Сирии и Кипра. На капителях колонн расправлялись раскидистые опахала – вайи, повисали виноградные гроздья, пересекались и множились линии в изощренном сплетении орнамента. За колоннами, в глубокой нише, парчовая завеса скрывала запрестольный образ Пала д'Оро. По большим праздникам образ открывали, и толпа при свете огромных свечей могла созерцать, цветные эмали с эпизодами из жизни святых, Мадонны и Иисуса в резных золотых рамах, украшенных драгоценными камнями.

На амвоне собора стоял седой патер и громко рассказывал притихшим богомольцам о том, как тело святого Марка, убитого неверными, сумели спрятать и привезти в Венецию.

– Истинно, что в ту пору один венецианский корабль находился в Александрии. А на венецианском корабле было три достойных мужа, один по имени мессер Рустико Торчеллезе, а другой доблестный муж, бывший вместе с мессером Рустико, прозывался мессер Буоно даль Маламокко, а третий – по имени Стаурачо. Эти три доблестных мужа горели таким желанием увезти тело монсиньора святого Марка в Венецию, что...

Много раз юноша слышал этот рассказ из уст разных проповедников, замечая новые подробности или досадные упущения. Он распознавал их как настоящий ценитель, он знал все перипетии назубок, и все же занимательная история о похищении мертвого евангелиста у сарацин никогда ему не надоедала.

Богомольцы, задрав головы и осторожно дыша, с благоговением слушали.

– С помощью доблестного мужа, а звали его мессер Теодоро, они взяли тело монсиньора святого Марка и перенесли его на свой корабль в корзине, о которой я уже говорил... А из страха перед язычниками они поместили священное тело между двумя кусками свиной туши и повесили ее (корзину) на мачту. И что я скажу вам? Язычники явились на корабль и весь его обыскали: они были твердо уверены, что тело монсиньора святого Марка находится тут, у венецианцев. Но, завидев свиное мясо, висевшее на мачте, они стали кричать: «Ханзир, ханзир», что значит «свинья, свинья», и покинули корабль. Ветер был благоприятный, дул в нужную сторону, доблестные мужи подняли паруса и вышли в открытое море. Что вам сказать еще?... Корабль плыл и плыл, и вот священное тело монсиньора святого Марка привезли в Венецию. Его встретили с такой радостью...

Юноша пошел к выходу, протискиваясь в толпе, остро пахнущей потом и чесноком. Он присел под портиком на ступенях и стал ожидать друзей.

Первым явился Андзолетто Боноччо, сын небогатого торговца шерстью. Марко познакомился с ним у фра Протасио, под чьим руководством Андзолетто, пыхтя, одолевал молитвенник. Марко сразу понравился застенчивый, добрый мальчик, они подружились и стали встречаться ежедневно. Но последнее время старший Боноччо все чаще забирал сына в

поездки по торговым делам. Возвращаясь, Андзолетто бежал к друзьям, чтобы узнать о новостях, происходящих в Венеции без него.

– Эй, Марко! Вот и я! Слушай, для кого это сколачивают помост? А где Джованни?

– Где ты пропадаешь, Дзотто? Долго же тебя таскал за собой дядюшка Боноччо!

Подошел и третий приятель, белокурый Джованни. Нынешний год и он стал реже видаться с друзьями. Его отец, командир военной галеры, записал Джованни в отряд арбалетчиков, постоянно упражняющихся на Лидо.

Шестнадцатилетний Джованни носил красный камзол и шапочку с пером, за словом в карман не лез и лихо подбоченивался, если мимо проходила пригожая девица.

– Бог в помощь, грамотеи! Небось заждались старика Джованни? Ничего не поделаешь! Воинские потехи отнимают все время...

– А, мессер капитан! Сколько раз попал из арбалета в небо? И скольким девчонкам в Венеции заморочил голову? – Марко, посмеиваясь, шутливо раскланялся.

– Завидуешь, купеческий сынок? То-то... Как я рад, что мы опять вместе! Сегодня я свободен, и мы не расстанемся целый день!

– Эй, Марко, Джованни, глядите-ка!

Из-за собора показалась медленная процессия.

Впереди на коне, покрытом широкой попоной с золотыми кистями, сидел глашатай. По обе стороны от него ехали трубачи, прижимая к бедрам начищенные медные трубы. За ними два молодых рыцаря вели под уздцы высокого вороного жеребца, на котором величественно восседал представитель Совета сорока в бархатном одеянии вишневого цвета. Он торжественно держал золотой судейский жезл.

Четверо палачей в черных масках и глубоко надвинутых капюшонах, с обнаженными до плеч мускулистыми руками злоеще выступали перед скрипучей повозкой. Запрокинув бледные лица, в повозке сидели осужденные. Рядом ковыляли доминиканцы в пыльных рясах, невнятно напутствовали и бормотали молитвы. Замыкал шествие отряд стражников с наточенными до блеска алебардами, а дальше валил народ.

Пока трубили трубы и глашатай громогласно объявлял решение Совета сорока, трое друзей пробивались сквозь толпу, стараясь оказаться поближе к месту казни.

Первым на помост вытолкали изможденного человека с седой бородкой и выбритой головой. На нем болтался парусиновый балахон, измазанный грязью и навозом, на голове косо торчал шутовской колпак с колокольчиками и намалеванными рожами чертей. На груди висела доска с перечислением всех его преступлений.

Лишенный сана патер Антонио, долгое время скрывавший под личиной благочестия и учености свои мерзкие мысли, ныне изобличенный в богохульстве и осуждении действий отцов церкви, приговаривался к сидению в клетке под крышей кампанилы Святого Марка, а по истечении назначенного срока ссылался навечно в дальний монастырь.

Площадь ревела, гоготала и улюлюкала, когда вольнодумствующего священника волокли к кампаниле собора. Со всех сторон в него летели плевки, рыбы головы, гнилые яблоки, комки мусора. Богомольцы, нищие, воры, приказчики и подмастерья – все старались дотянуться до него кулаком или палкой.

Стражники волоком дотащили Антонио до кампанилы: он уже не мог держаться на ногах. Шутовской колпак сбили, бритая голова и лицо были покрыты кровотокающими ссадинами. Его втокнули в клетку под самой крышей и на дверце повесили замок.

Следующим осужденным оказался мастер-красильщик Уголино Банко из квартала Сан-Эустачо. Его обвиняли в разглашении производственной цеховой тайны. После изгнания из славного цеха венецианских красильщиков и конфискации имущества суд приговорил мастера Уголино к пятидесяти ударам кнута и пожизненному заключению в крепости

острова Сетуль. Решение суда показалось всем необычно милостивым, потому что подобное преступление подрывало основы богатства Венеции, а это каралось смертью.

Палачи сорвали с мастера одежду и привязали его к столбу посреди помоста. При каждом ударе истязаемый запрокидывал искаженное от боли лицо и громко стонал. Сорванные со спины клочья кожи висели лохмотьями. Наконец голова несчастного мертвенно откинулась, глаза закатились, темные маслянистые струйки стекали по скорченным окоченевшим ногам. Окровавленное тело отнесли в повозку и накрыли рогожей.

Никто не расходился: все знали, что будет продолжение зрелища. И вот издали послышался долгий дрожащий крик, полный нестерпимой муки.

От Санта-Кроче по Большому каналу медленно плыла лодка. На середине ее был привязан цепью к столбу обнаженный рослый мужчина. Перед ним на листе железа дымилась жаровня. Один из палачей, находившихся в лодке, время от времени вынимал из жаровни огромные раскаленные щипцы и терзал ими привязанного преступника. Несчастный издавал пронзительные вопли, скрежетал зубами и бился головой о столб. Его атлетическое тело, изуродованное ожогами, корчилось и трепетало от невыносимых страданий.

Капитан военной галеры Никколо Тариго обвинялся в измене республике и святой христианской вере. Он хотел – говорилось в обвинительном акте Совета сорока – переправить галеру венецианского военного флота в Мавританию, предаться власти султана и принять богопротивную языческую веру.

Лодка причалила к Пьяцетте. Истерзанного преступника отвязали и повели к помосту.

Оказавшись над головами тысяч людей, перед лицом лазурно-золотой прекрасной Венеции, капитан Тариго глубоко вздохнул и в последний раз поглядел на собор Святого Марка и переполненную народом площадь. Потом он вскинул голову, повернулся к судье и плюнул в него тягучей, красной слюной. Не обращая внимания на гневные крики бушующей толпы, он оттолкнул монаха с распятием.

Палачи схватили преступника, навалились и распластали на досках. Сразу смолкли сверлящие свистки и глумливые возгласы. Пьяцетта замерла. Слышен был только тихий плеск волн и поскрипыванье гондол у причала. Главный палач поднял широкий топор и отсек преступнику правую руку. Через несколько мгновений отлетела левая рука. Тариго еще пытался сопротивляться...

В луже крови вытянули и отрубили дрыгающиеся ноги. Умиравший хрипло выругался. Обрубок тела поволокли на плаху. Главный палач в последний раз поднял топор и, красуясь своей сноровкой, с маху отсек голову, ловко схватил ее за волосы и показал толпе.

Трубачи протрубили, возвещая об окончании зрелища, и процессия двинулась в обратный путь прежним порядком: глашатай с трубачами, рыцари, представитель Совета сорока, палачи, повозка, запряженная ослиами, монахи и стражники. В повозке под рогожами стонал мастер Уголино. А под крышей кампанилы Святого Марка сидел в клетке измазанный навозом старик и скорбно глядел вниз немигающими глазами.

Правосудие республики совершилось. Венецианцы стали расходиться, обсуждая поведение каждого преступника. Впрочем, скоро вновь слышались беспечный смех и веселая болтовня, как будто тысячи добрых христиан не наблюдали только что пыток и казни.

Марко и друзья тоже недолго находились под впечатлением тяжелого зрелища. Некоторое время они наблюдали, как разбирают деревянный помост, и слушали возбужденные пересуды, потом зевнули, отвернулись и поспешили на площадь Риальто – самое оживленное место в Венеции.

Проходя мимо Дворца дожей, трое юношей остановились. Им припомнилось прошлогднее торжество в честь избрания нового правителя Венеции.

Дзотто Боноччо в те дни не мог видеть это грандиозное празднество, более великолепное и торжественное, чем ежегодный праздник «Ла Сенса» – обручение дожа с Адриатикой.

Будто снова восторженно созерцая многолюдное шествие, Марко начал рассказывать: – Вон там, в середине большого окна, стоял монсиньор Лоренцо Тьеполо с госпожой и святым отцом епископом Гастелло...

В середине большого окна стоял дож в пурпурном одеянии и златотканом плаще. Он милостиво кивал головой в дожеской шапочке и махал белым шелковым платком. По левую руку от него улыбалась догаресса с букетом алых роз, по правую – благословлял проходивших венецианцев епископ в парчовой ризе с алмазным крестом на груди.

Позади дома и в соседних окнах находились сенаторы, военачальники, адмиралы и богатейшие купцы в праздничных одеждах, украшенных драгоценностями, мехами, золотым шитьем.

Вначале мимо дворца проплыл флот Венеции. На передней галере, под огромными полотнищами с изображением Христа и Богородицы, сняв шляпу, стоял командующий флотом мессер Пьеро Микеле. Музыканты играли на трубах, рогах и свирелях. Матросы выстроились вдоль бортов и, увидев дожа, запели:

Христос завоевывает, Христос царствует,
Христос правит!
Благодарение нашему синьору Лоренцо Тьеполо!
Тебе, о прославленный дож Венеции,
Далмации и Кроации,
Да поможет святой Марк!

Галеры плыли парадным строем, развевая яркие стяги, гремели возгласы матросов, звучали трубы.

После галерного флота появились барки с представителями островов Венеции. На каждом судне все было по-разному: трепетали на мачтах цветные ленты и флаги, кричали и кудахтали петухи, привязанные к палубе, мычали коровы с золочеными рогами, акробаты выстраивали живые пирамиды, мужчины и женщины пели и возглашали приветствия.

За барками устремились сотни убранных цветами гондол, в которых сидели гости из городов Италии и Германии.

Наконец под окнами дворца открылось торжественное шествие ремесленников.

Шли кузнецы со старинными знаменами своего цеха, возглавляемые седовласыми старшинами, увенчанными розами и листьями винограда. За кузнецами двигались меховщики в мантиях, отороченных горностаевыми, собольими, куньими, бобровыми, лисьими мехами.

Плыли цеховые знамена многочисленной процессии ткачей. Тут были мастера по шерстяным тканям с венками из листьев оливы на головах; мастера-хлопчатобумажники в пестрых камзолах; мастера-одеяльщики в белых плащах, расшитых цветами лилии, златоткачи в златотканых одеждах и их ученики в пурпурных камзолах, расшитых звездами.

Старшины менял встряхивали на блюдах россыпи золотых и серебряных монет: полновесных венецианских дукатов, талеров из германских городов, флоринов из Франции, Бургундии и Брабанта, монет с изображением английских королей и греческих императоров, русских продолговатых гривен и златников, арабских динаров и всевозможных других монет с надписями на неизвестных языках и непонятными символами, но отлитых без сомнений и фальши, имеющих чистый вес благородного металла.

Стеклодувы несли сверкающие на солнце фляги, бокалы и кубки из знаменитого цветного стекла с острова Мурано. За ними с шутками и песнями шествовали мастера-фонарщики. Они несли фонари с закрытыми в них живыми голубями, жаворонками, дроздами, воробьями, другими птицами полей и лесов. Под окном дожа все разом открыли створки

фонарей, и птицы тучей взлетели в небо. Раздались восторженные крики и рукоплескания зрителей, стоявших густой толпой за цепью копейщиков и усеявших крыши ближних строений.

Торговцы шелком и бархатом поднимали на высоких шестах прекрасные образцы своего товара: горел, будто пламя, и переливался морской синевой флорентийский бархат, сиял искристой лазурью и струился нежной зеленью неаполитанский шелк, вился белыми лентами, колыхался опаловыми фестонами, пестрел сложными геометрическими узорами шелк из Сирии и Египта, вспыхивала золотыми нитями багдадская парча и парча из итальянского города Лукки.

Дальше двигались сапожники, портные, торговцы мясом, рыбой, сыром... потом медники, цирюльники, оружейники... Казалось, конца не будет изобилию, ликованию и торжеству. И проходило это великолепное шествие на том же месте, где часто слышались стоны страдания и предсмертный хрип.

Такова была Венеция в блеске своего богатства, веселья и могущества. Мог ли предполагать пятнадцатилетний Марко, что пройдет несколько лет и на другом конце Земли он увидит еще более многолюдные, еще более красочные и завораживающие странные праздники?

Глава четвертая

Солнце высоко катилось над соломенными и черепичными крышами, над стройными кампанилами соборов. Волны бежали из морской дали, раскачивая стаи красных и оранжевых парусов, мирно плескаясь у причалов.

Трое юношей беспечно блуждали среди толкотни, смеха, ругани, возгласов, пения и споров. Их широко раскрытые глаза сияли, языки неумоимо и весело стрекотали, лица покрывались смугло-золотой солнечной пылью.

Чтобы сократить путь, они свернули с шумной набережной и пошли вдоль заросшего плесенью узкого канала, над которым сушились на протянутой веревке разноцветные штаны и рубахи. Здесь, в тихом безлюдном месте, они увидели привычную картину: двое молодых мужчин с излишней настойчивостью ухаживали за двумя девушками, по виду – дочерьми зажиточных ремесленников. Мужчины были богато одеты, и девушки не очень сердились. Казалось, они были даже польщены вниманием патрициев.

У берега покачивалась гондола. Краснорожий гондольер, опершись на весло, с ухмылкой смотрел на проделки господ, явно разогретых вином и желавших приятно развлечься.

– Ах, вы, птички мои! Ах, вы, красотки! – Рыжеволосый щеголь лет тридцати развязно подступал к девушкам, шурша голубым византийским шелком. – Поехали с нами... Никто вас не обидит, да соглашайтесь же!

Его приятель приглашал с не меньшей назойливостью:

– Окажите нам честь, поедem на Оливоло. Мы вам покажем чудесный сад...

– Накормим вас студнем из куропаток, орехами и заморскими сладостями...

– Напоим вас лучшим вином...

Стараясь ускользнуть от жадно растопыренных рук, одна из девушек возразила:

– Нам ничего не нужно от чужих, правда, Джульетта? А вам, синьоры, лучше бы выпить холодной водицы и опомниться.

– Я бы с удовольствием съел тебя и не запивая, жирненькая курочка!

Любезничая и препираясь с девушками, мужчины постепенно оттеснили их к самой воде. Вдруг один из них, смуглый, в красном бархатном камзоле, подхватил на руки пронзительно завизжавшую Джульетту и спрыгнул в гондолу.

Хохоча во все горло, гондольер сильно оттолкнулся. Похититель с трудом удерживал отчаянно бьющуюся девушку и кричал что-то приятелю, оставшемуся на берегу. Через минуту гондола скрылась за поворотом.

Возбужденный удачей своего напарника, рыжеволосый грубо обнял подружку Джульетты.

– Пусти меня, бессовестный! – завопила девушка, царапаясь и стараясь его оттолкнуть. – Помогите! Ради Господа помогите, люди добрые!

Марко и его друзья растерянно наблюдали за нелепой возней: тяжелое дыхание мужчины, мольбы и рыдания слабеющей девушки приковали внимание юношей. Кровь стучала у них в висках, они не знали, на что решиться.

Наконец Джованни тряхнул головой и подошел.

– Эй, мессер Жеребец, отпустите-ка девчонку и поищите себе кого-нибудь поговорчивей!

Рыжеволосый не сразу сообразил, что ему помешали.

– Убирайся к дьяволу! – пробормотал он, оборачиваясь и отпуская девушку. Она сейчас же убежала, придерживая разодранный подол и продолжая рыдать.

Патриций с досады заскрипел зубами. Бешенство, опьянение и обманутая похоть превратили его в опасного зверя. Он все еще стоял на месте, пытаясь оценить происшедшее затуманенными мозгами.

– Благодарите Господа Бога, что мы не позвали стражников... – начал сердито Марко.

– Что? Вы меня пугаете?! Паршивые ублюдки! Кто вас просил соваться в мои дела? – свирепо заорал патриций. Размахивая кулаками, он обрушил на юношу лавину грубых ругательств.

– Пьяная рожа! Думаешь, мы позволим себя оскорблять? – возмутился Марко. – Джованни, Дзотто! Что вы смотрите! Позовем-ка сюда патрульного, синьора Градениго!

Неожиданно рыжеволосый вытянул из-под плаща узкий клинок.

– Таких наглых сопляков надо убивать, пока они еще не достигли зрелого возраста... – прохрипел он, расставив ноги и явно приготовившись к нападению.

– Тебя будет судить Совет сорока, насильник! – сказал Джованни и положил руку за пазуху. Марко знал, что Джованни, как и большинство венецианцев, несмотря на запрет городских властей, носит с собой кинжал.

Побледневший Джованни, держа руку на груди, медленно двинулся навстречу патрицию.

Еще миг – и кровавая развязка неминуема. Или рыжеволосый заколет смельчака Джованни, или тот нанесет патрицию удар кинжалом. О, это тоже ужасно! Это тяжкое преступление! Марко готов был броситься на помощь другу.

Резко и ярко вся картина развернулась перед его глазами. Испуганная фигурка Дзотто и два противника: пьяный патриций, растопыривший атласный плащ на всю ширину узенькой набережной, а напротив – алый камзол и золотые кудри Джованни... Поглядев вокруг, Марко схватил обломок весла и, размахнувшись, с силой бросил в перекошенное бешенством лицо пьяного.

Патриций отпрянул, закачался, нелепо задрал ногу и, не удержавшись, со злобным воем рухнул в канал.

– Молодец, Марко! – облегченно рассмеялся Джованни. – Пусть поплавает, а мы, пожалуй, пойдем отсюда своей дорогой.

В это время из-за угла выскочило шестеро ремесленников с молотками и палками в руках.

– Вот они! – закричали ремесленники, увидев юношей. – Хватай их!

– Говорите, мерзавцы, где Джульетта, или я размножу вам головы! – взревел бородатый здоровяк, потрясая молотом.

– Ну, сейчас нас избыют до полусмерти... – сказал Марко. – Ночевать мы будем в тюрьме, а завтра судья начнет разбираться – кто прав, кто виноват.

– Бежим, пока не поздно! Нечего корчить из себя святых мучеников.

И трое друзей помчались со всей прытью, на какую только были способны. Они покружили в путанице кривых переулков, без остановки миновали несколько узких и широких каналов и, выскочив на многолюдную торговую площадь, затерялись в толпе.

Вытирая рукавами потные лица и тяжело дыша, друзья повалились в тень горбатого мостика.

Рядом слышалось шарканье сотен ног, бесконечные разговоры, пронзительные голоса торговков и гнусавое пение нищих. Рои мух и слепней носились над головами людей, над прилавками, заваленными снедью, над кучами гниющего мусора. Терпко пахло луком, чесноком, жареной и копченой рыбой.

От канала веяло гниловатой сыростью. В грязной воде плавали щепки, рыбы головы и арбузные корки. Друзья молча отдыхали, довольные, что избавились от продолжения неприятной истории с девушками, пьяным патрицием и разъяренными ремесленниками.

Переведя дух, юноши успокоились и снова стали глядеть по сторонам. Как и большинство южан, они обычно ели немного, но сейчас голод напомнил им, что прошло уже полдня.

Марко сплюнул и сказал сердито:

– Эй, вы, отцовы сыновья, поищите-ка у себя сольдо. Моя-то тетка скупа, сами знаете.

– Ну, мой старик тоже не особенно щедр, – вздохнул Дзотто.

Джованни с надменным видом достал несколько монет и важно произнес:

– Благодарите Господа, малыши, я угощаю.

Марко толкнул локтем Дзотто и затрясся от смеха.

Веселая торговка с шутками и подмигиванием продала им жареных кефалей. Рядом они купили три хлебца с тмином, пригоршню слив и выпили по стакану кислого вина. Сели на перевернутую корзину и принялись за еду, разглядывая снующую перед ними толпу.

На площади суматошно толклись крестьяне, горожане, моряки, пастухи с гор, венецианцы и приезжие, хозяева, слуги, служанки, иноязычные рабы, женщины, мужчины, старики, дети. Все они кричали, покупали, продавали и торговались до хрипоты.

– Как головешка черен, – произнес Марко, указывая на высокого негра, который смиренно следовал за своим хозяином. В Венеции встречались и темнокожие африканцы, и узкоглазые степняки, однако рассмотреть негра было все-таки любопытно. – Эти эфиопы, говорят, живут на самом краю Земли, где солнце не заходит ни днем, ни ночью...

– Глядите-ка! – Джованни даже привстал. – Да не туда. Вон, в красном платье, с кольцами в ушах... (У Джованни одно на уме.) Видать, из-за моря привезли – с греческих островов или из Святой Земли. Вот уж хороша так хороша! Эх, жаль, с ней двое каких-то обормотцев...

Марко усмехнулся и спросил застенчивого, молчаливого Дзотто:

– Куда ты нынче ездил с отцом, в Альтино?

– Нет, в Падую.

– Ну, скажи-ка, Адзолетто, как тебе понравились тамошние красотки? Лучше они, чем наши?

– Да я не обращал особого внимания, – смутился Дзотто, – и не сравнивал их с венецианками.

– Эх ты, разиня! – шутливо возмутился Джованни. – Пора уж хоть немного разбираться в женщинах. Ну да ладно, мы еще молоды. У нас еще столько будет всяких приключений, что и со счета собьешься. Хватит сидеть! Пошли на Риальто!

На площади, около нарядно украшенного резьбой моста, высилась старейшая церковь Венеции – Сан-Джакомо ди Риальто.

На ее фронте под изображением креста было торжественно начертано: «Да будет у этого храма купеческий закон справедлив, вес – без обмана, а слово договора – верно».

У входа толпились вербовщики матросов, маклеры, путешественники, авантюристы и куртизанки, спешившие соблазнить какого-нибудь сластолюбивого толстосума. Кругом слышались разговоры о купле и продаже, о заемах и процентах, об отправлении и прибытии судов, о войнах и политических интригах.

Марко и его друзья, открыв рты, слушали вести о важных событиях, происходящих в Каффе, Константинополе, Генуе, Аккре, Кандии (Крите), Египетском султанате и других местах Средиземноморья.

Сопровождаемый телохранителями и слугами, важно шествовал венецианский богатый купец – «читтадинца» – в мантии багряного атласа с собольей опушкой. Купцы из Франции и Бранбанта спесиво вскидывали головы, стараясь не выдать зависти к преуспевающим коммерсантам республики.

Их дорогие одежды задевал плечом тевтонский рыцарь в камзоле грубого сукна и белом плаще крестоносца. Он пожирал глазами волка дворцы и соборы, рынки и набережные, заваленные горами заморских товаров, тесный от галер порт и звенящих золотыми дукатами менял на скамьях «Банко дель Джиро». Искали вербовщика матросов рослые далматинские славяне в шерстяных чулках и безрукавках из козьих шкур. Славян здесь высоко ценили за качества, необходимые морякам: физическую силу и выносливость. Одна из набережных Венеции так и называлась – «Скьявони» («Славянская»).

В толпе теснились римляне, флорентийцы, пизанцы, лукавые византийские греки, приказчики из немецкого подворья «Фондако дей Тедески», бледнолицые английские купцы, суевливые венецианские евреи с острова Спиналунга в черных долгополых балахонах и их гордые, изысканно одетые собраты из Александрии – посредники между мусульманским миром и торговыми домами Европы.

Неожиданно гул от говора и восклицаний сотен людей, увлеченных жадной наживы, пререзал одинокий горестный вопль. Кое-кто обернулся, побуждаемый любопытством, остальные, будто оглохнув, продолжали предаваться своей меркантильной страсти. Друзья бросились к берегу канала, чтобы увидеть причины скорби и плача.

По краю площади двигалась похоронная процессия. Впереди шел священник в сопровождении служки и двух монахов. Они монотонно распевали мисерере. За ними несли носилки с покойником, завернутым в полотно и покрытым черным бархатным покрывалом. Двое мужчин вели под руки громко рыдавшую молодую женщину с распущенными волосами, в разорванном на груди платье. Рядом неистово вопила, царапая лицо ногтями, желтолицая старуха, взлохмаченная и уродливая, как ведьма.

За старухой шестеро пожилых женщин в черных платьях заламывали руки, били себя в плоские груди и, слезливо причитая, расхваливали добродетели покойного. Этих плакальщиц приглашали за небольшую плату, чтобы они помогли семье выразить скорбь. Подобный обряд напоминал похоронные обычаи древнего Востока, считался достойным памяти и приятным душе умершего. Замыкала процессию группа усердно плачущих родственников.

Носилки с покойником опустили на дно барки. Вокруг расположились сопровождающие, причем женщины продолжали жалобно выть. Гребцы взялись за весла, и барка тронулась.

- Кого это повезли на кладбище?
- Джованни Фанченни, торговца пряжей из прихода Сан-Прокуло.
- Фанченни был почтенный человек... Отчего он скончался?

– Жизнь наша в руках Господних... Однако говорят разное, синьоры, и я слышал, будто хирурги склоняются к тому, что Фанченни умер от эрберии – умопомешательства.

– Подумать только!

– И будто бы эрберия произошла у него от медленного отравления.

– Будь я проклят!

– И говорят еще вот что...

Синие, алые, золотистые шелковые плащи взметнулись и образовали тесный круг, в середине которого стоял любезно улыбающийся рассказчик.

– Так вот, уважаемые синьоры, я слышал, будто жена покойного Фанченни, донна София, спуталась с носатым дылдой Томазо...

– Его жена? Та, что рыдала и рвала на себе волосы?

– Да, да! Но обратили ли вы внимание, как она молода и пригожа? Покойник же был намного старше ее, брюхатый, седой, с отечным лицом...

– А кто эта старуха, визжащая сучьим голосом? Сестра покойного?

– Да вы что! Это же мать донны Софии! Она-то и способствовала Томазо в его подлом деле. Он, говорят, подкупил старуху. А потом они все вместе и погубили бедного Джованни...

– Не может быть! Это клевета!

– О, мессер Теобальдо, я ведь не утверждаю! Я рассказываю только то, что слышал: продаю вам товар за столько же, за сколько и купил. Фанченни по простоте душевной завещал имущество и деньги жене. Оттого-то и произошла – если верить молве – вся эта история.

– Пути Господни неисповедимы. Однако скоро должны подойти галеры из Каффы и Солдайи...

– Мессир Теобальдо, мы едем с вами.

– Прошу в мою гондолу, синьоры...

Услышав о прибытии галер из Крыма, юноши тоже решили потолкаться среди моряков, посмотреть на погрузку и разгрузку товаров, на привезенных из далеких стран рабов и рабынь.

Но вначале им захотелось побывать в Арсенале. Может быть, удастся увидеть спуск только что оснащенной галеры...

Десятки мастерских, в которых изготавливали разные части кораблей, раскинулись на двух островах. Грохот, треск, лязг и скрежет обрушились на уши друзей, но они с наслаждением стояли в клубах смоляного дыма и сажи. Они гордились своим Арсеналом. В кузницах ковали гвозди, скобы, наконечники абордажных крючьев, копий и алебард, в литейном цехе отливали корабельные колокола, якорные цепи и ядра для катапульта.

Муравьиным скопом плотники волокли длинные лесины на верстаки – пилили, рубили, сверлили и строгали. Летела щепа, визжало зазубренное железо, метелью опилок слепило глаза. Мачты, кили, рули, кабестаны торопливо растаскивали к верфям, где на стапелях высились голые, будто обглоданные, остовы судов.

Могучие мастера-арсеналотти в кожаных рукавицах и фартуках грозно покрикивали на снующих подле них подмастерьев, и проворные молодцы, кряхтя от усердия, скручивали пеньковые канаты, отмеряли огромные куски парусины, раздували огонь в горнах и смолили корпус галеры, уже скрывшей ребра-шпангоуты под свежей обшивкой...

В мастерских готовили весла и оружие. Юноши знали, что пройдет немного времени, и галера, полностью оснащенная, с опытным капитаном, гребцами и матросами выйдет в море. Марко часто проводил здесь долгие часы, наблюдая, как беспрерывно кипит работа и прямо на глазах возникает корабль за кораблем. Это было еще одно чудо Венеции, не сравнимое ни с чем в мире.

Побывав в Арсенале и полюбовавшись на новую галеру, друзья направились в порт.

Повсюду вдоль набережных, словно деревья в лесу, высились мачты фелук, галер, галиотов, барок и множества мелких судов. На пристанях лежали товары из всех стран Европы, заготовленные на вывоз в Константинополь, Аккру, Александрию и другие порты Востока.

Сгружались тюки дорогих шелковых тканей из Дамаска и Багдада. Рядом громоздились кули с имбирем, перцем, корицей, шафраном, мускатным орехом; лежали штабеля эбенного, пахучего сандалового и красного камедного дерева.

С Кипра и мавританского побережья привозили пшеницу, медь, хлопок, сахарный тростник, воск и ароматы. Из Малой Азии шли железо, шерсть, кожи. С гор Далмации доставляли строительный и корабельный лес.

Работали грузчики, слонялись матросы и всякий портовый сброд. Хлопотали писари, приказчики, кладовщики. Озабоченно расхаживали капитаны и владельцы товаров.

Кипело, двигалось, шумело деловито и весело знаменитое пристанище кораблей.

В тени сложенных у причала мраморных колонн и архитрав расположилась группа загорелых людей. Четверо играли в кости, столько же глазело, дожидаясь своей очереди. Еще трое лежали, поочередно прикладываясь к глиняной бутылке.

– Пойдем, – предложил Марко, – послушаем, о чем рассказывают бывалые морские бродяги.

Юноши подошли и поздоровались с почтением. Их встретили добродушными усмешками, продолжая беседовать и метать кости. Довольные, что их не прогнали, друзья сели рядом.

– Я тоже слышал про пирата Альзура. Но, клянусь святой Девой, не могу поверить, что корабль его может нырять под воду, как утка, и снова выплывать через пару миль! – говорил широкоплечий человек в грязной рубахе, раскрытой на волосатой груди.

Молодой моряк в красном колпаке и куртке, надетой прямо на мускулистое тело, принял из его рук бутылку, глотнул и протянул ее солдату со шрамом на лице.

– Не знаю, как насчет ныряния под воду, – произнес солдат, пожимая плечами, – а то, что догнать его просто невозможно, уж поверь мне, это точно.

– Да, он ловкач! – засмеялся молодой моряк. – За короткий срок ограбить и потопить не меньше двадцати торговых судов! Слушай, Франческо, а сам-то он кто – христианин или язычник?

– Среди его команды есть и сицилийцы, и сарацины, и греки... да кого там только нет! Альзур же, говорят, кандиец. Но кто бы он ни был, а корабль его – чудо из чудес!

– Ты сам видел корабль Альзура?

– Видел, клянусь телом Христовым! Два года назад я служил на военной галере «Сан-Пьетро» под начальством мессера Чезаре Цено. Наш сопракомит прославился как самый смелый и опытный капитан во флоте республики. К тому времени мы разгромили всех пиратов от Сицилии до Святой Земли: одних повесили на мачтах, других продали на невольничьих рынках. Уцелевшие попрятались в дальних гаванях... Только Альзур не унимался!

– Где ж ты его видел-то?

– У южного побережья Кипра. Тамошние рыбаки сказали мессеру Чезаре, мол, за ближним мысом бросило якорь какое-то подозрительное судно. Гребцы налегли на весла, и три галеры – прекрасные галеры! – будто стрелы вылетели из-за мыса. Тут мы и увидели, что это был за чудной корабль. Клянусь спасением души, вам такого никогда не видать! Длинный, узкий, с острым носом и высокими мачтами. На палубе стоял Альзур в красном плаще, а вокруг него – негры с арбалетами и вся пиратская команда. Сопракомит Цено закричал весело: «Клянусь Троицей, я захвачу эту языческую посудину и притащу ее в Венецию, к площади Сан-Марко!» Мы приготовили топоры и крючья... Гребцы старались изо всех сил! На пиратском судне подняли якорь и тоже принялись грести. Но куда им было тягаться с

нашими молодцами, будто родившимися с веслом в руках. И вот, когда галеры уже брали Альзура в обхват, подул проклятый северный ветер. Потом только мы сообразили, что началось колдовство коварного кандийца. Бросились мы поднимать паруса... Однако тут пираты оказались сноровистее: в мгновение ока развернули свои – невиданно огромные, квадратные, белые. Ну и гонка началась! Ветер-то все усиливался. И вот тогда – о, дьявольское наваждение! – корабль Альзура, как от стоячих, стал уходить от трех лучших галер венецианского флота. Что мы ни делали – ничего не помогало! Галеры мчались, едва касаясь поверхности моря, и все же расстояние между нами и пиратами увеличивалось. Мессер Чезаре зарычал от бессильной ярости, разорвал на себе платье и швырнул на палубу свой золоченый шлем. Мы стояли, прикусив пальцы от изумления. А корабль Альзура уже с трудом можно было различить за гребнями волн, и скоро он совсем скрылся вдаль. Началась такая страшная буря, что нельзя было различить, где море – где небо... Галеры едва не потонули, многих людей смыло за борт. Даже вспоминать невозможно без страха, это был сущий ад! Только на другой день ветер стих. Еще немного – и нас пригнало бы в Египет, к султану! Когда буря кончилась, мы взяли восточное направление и еле дотащились до христианского берега, растерзанные и измотанные вконец.

Марко придвинулся ближе, взволнованно дыша и стараясь не упустить ни слова из рассказа о неуловимом пирате. Джованни и Дзотто тоже слушали, округлив глаза в немом отроческом восхищении.

Внезапно среди игравших в кости раздалась злобная ругань.

– Не будь я Людольф Баварец, – хрипло кричал, искажая венецианскую речь, рослый матрос, – если не проучу этот мерсафец Андреа и мерсафец Риччо, который нарочно толкать мне рука!

– Ах ты краснорожий тедеско! Риччо, ты слышишь? А ну, разоидитесь! Я убью этого пьяницу, как собаку!

– Нет, я буду тебя убить!

Продолжая бешено ругаться, матросы вытащили ножи.

– Порка донна! – вмешался широкоплечий атлет в раскрытой рубахе. – Сейчас же заткните плотки и прекратите вашу дурацкую ссору! Хотите, чтобы явилась стража, увидела игральные кости и ножи? Из-за вас мы еще до «Фелуцисанте» окажемся в тюрьме...

Противники нехотя разошлись, ворча и бросая друг на друга свирепые взгляды.

Глава пятая

– Приперлись богачи с Риальто! Глядите-ка, сколько на их камзолах золотого шитья!

– Четыре гондолы подплывают...

– А вон еще...

– Глядите, тот, в голубом, надменный, будто дьявол! Это Джуиниани, один из самых знатных патрициев Венеции.

– Ну, адмирал Дандоло не менее знатен...

– А вон и толстопузые читтадини со своими прихлебателями.

– Слетается воронье...

– Видно, чуют хорошую поживу.

– Еще бы! Сегодня должны прийти суда с рабами. Вот они и собрались, чтобы приглядесть красоток для перепродажи во Флоренцию...

Подметая грязную набережную лапами роскошных одежд, патриции важно расхаживали и степенно беседовали между собой.

Тем временем на набережной появился отряд копейщиков. За ними валил возбужденно гудевший портовый люд.

– Эге! Кажется, подходят галеры из Крыма. Снимемся с якоря, молодцы! – воскликнул игравший в кости старик с выбитыми зубами.

Все поднялись и направились туда, где над причалом развевались лазоревые флаги с золотым львом святого Марка.

Стражники оттеснили толпу и, выстроившись двумя рядами, приставили копья к правой ноге. В оставленный ими проход вошли хозяева галер и богачи, приехавшие с Риальто. Позади копейщиков толкались мелкие торговцы, приказчики, маклеры, матросы и прочие любопытные и подвыпившие зеваки.

На галерах убирали весла. Прикрутили к причальным столбам канат, положили сходни.

Первыми на берег сошли доверенные венецианских работорговцев. Они раскланялись с хозяевами, развернули длинные свитки и приготовились к отчету.

Надсмотрщики открыли трюмы. Неуверенно передвигая ослабевшими ногами, мужчины и женщины в странных одеждах медленно двинулись по скрипучим сходням.

Среди невольников, привезенных в Венецию, мужчин было немного. Феодалы и жители европейских городов не нуждались в рабском труде. Мужчин изредка покупали некоторые знатные семьи, где их использовали в качестве телохранителей. Мальчиков и мужчин в огромном количестве покупал египетский султан для своей армии рабов-мамелюков.

Марко с любопытством разглядывал проходивших мимо невольников.

Бросая по сторонам мрачные взгляды, звенели цепями коренастые, широкоскулые потомки Арпада. Шрамы на их лицах и покрытые бурыми пятнами, изодранные кафтаны говорили о том, что мадьярские воины стали пленниками после яростной и кровавой битвы. Высокие, белокурые русы шли, опустив головы. Они были одеты в полотняные рубахи и обуты в плетеные лапти и постолы. Топча копытами ослабевших, свирепые татарские нукеры тысячами пригоняли их на рынки Крыма – исхлестанный плетью, стонущий ясак золотоордынских ханов. Нежный товар везли в телегах – подметали девичьими косами степные дороги. Позади венгров и русов переваливались на кривых ногах несколько узкоглазых степняков в косматых овчинах. Всех мужчин посадили в барки и под усиленной охраной повезли в отведенные для них помещения.

Женщины, свободные от цепей, печально глядели на незнакомый город, и лазурно-золотая Венеция вовсе не казалась им привлекательной и великолепной.

Толпа зевак возбужденно обсуждала достоинства невольниц.

– Клянусь потрохами, я же говорил, что женщины русов прекраснейшие во всем свете!

– Еще бы! На их родине постоянно стоит зима, потому и кожа у них бела, как снег!

– А сколько денег-то требуется, чтобы их купить?

– Это я вам могу сообщить, синьор. Самая дорогая девушка семнадцати лет месяц назад прошла на Флоренцию почти за три тысячи сольдо венецианскими grosсами. Цена крайне высокая!

– Эй, Франческо, ты ведь плавал к берегам Готского моря, посмотри-ка на смуглянок с повязками на лбу! Кто они?

– Думаю, это дочери аланов, прославленных искусством ковать стальные доспехи. Рассказывают, что когда-то аланы владели обширными землями у подножия Колхидских гор. Теперь они стали данниками татар или скрываются от них в неприступных горных ущельях.

– Стройностью и осанкой эти девушки затмят знатных синьор. Их вид способен привлечь сердца и пробудить глубокую страсть.

– Будь я проклят, несчастный! Что мне остается, кроме зависти к тем, у кого есть богатство и для кого жизнь полна удовольствий!

– А какого племени те пугливые козочки?

– Кто знает! Там, в бескрайних степях, кочевали большие и малые племена. Пришли татары из неведомых стран, одних истребили, других сделали своими пастухами, третьи платят им дань конями и девушками...

Под жадными взглядами зевак шли длиннокосые хазарки в полосатых халатах, команки, татарки и горбоносые темнолицые невольницы из какого-то неведомого восточного племени.

Джованни толкал Марко локтем:

– Вот девушка! Не хуже самой пригожей венецианки.

Марко не отвечал, охваченный волнением при виде такого множества молодых женщин, поражающих своей невиданной непривычной красотой.

Невольниц сопровождали хозяева галер со своими слугами и гостями. Позади шагал отряд копейщиков. За копейщиками с шумом и гоготом двинулись любопытные зрители.

Пристань быстро опустела. Над морем пламенел осенний закат. Мачты кораблей раскачивались и казались отлитыми из начищенной красной меди.

Марко задумчиво смотрел на темнеющий морской простор. По небу длинной грядой плыли с запада вечерние облака, постепенно бледнея и раскрашивая небо золотистыми и розовыми полосами. Внизу волны мерно ударяли о сваи. Прохладный ветер тронул стриженные под скобку волосы юноши.

– Эй, Марко! – окликнул Джованни. – Подошла еще одна галера!

– Откуда?

– Говорят, из Аккры...

Марко вспомнил, что Аккра самый большой порт в Сирии, а Сирия находится за морем на востоке. Что христианские рыцари выгнали оттуда сарацин, и в этом городе даже есть легат его святейшества папы. Что еще он знает про Аккру?

Итак, день кончился пожаром заходящего солнца и восторженным шумом волн. Марко наблюдал, как суетятся матросы, крестятся, ступая на землю, измученные плаванием паломники, гондольеры предлагают свои услуги...

Два купца с окладистыми бородами и коричневыми от загара лицами следили с борта галеры за работой слуг, сгружавших обернутые кожей тюки. Убедившись, что имущество их размещено благополучно, купцы попрощались с капитаном и спустились в гондолу.

Один из них, видимо – старший, приказал охрипшим, гортанным голосом:

– Правь-ка к монастырю в приходе Сан-Джованни.

Гребцы опустили весла, и гондола медленно поплыла вдоль набережной. «К кому-то из нашего квартала приехали гости. Они поведают о трудных дорогах, о далеких морях и землях. Покажут заморские диковины...» Марко вглядывался в серебристый сумрак, пока различал очертания гондолы. Непонятная тоска томила его, будто он ждал, что наконец-то в его жизни произойдет нечто необыкновенное, давно предвкушаемое им втайне, но ожидания и сегодня оказались напрасными.

– Пора домой, – сказал Дзотто. – Если не приду вовремя, отец будет меня бранить.

– Вот еще! – возмутился неугомонный Джованни. – Мужчины мы или нет? Что нам риаллине и стража! Ну, Марко? Погуляем сегодня всласть!

Марко вспомнил, как уговаривал хорошенькую Занину прийти вечером к монастырю Сан-Лоренцо и собирался ждать ее там. Эти приезжие тоже поплыли к монастырю... Он молча раздумывал над предложением Джованни.

Дзотто, зевая, кивнул в сторону галеры, прибывшей из Аккры:

– У них там на печатях три птицы – не то вороны, не то галки...

– Глазастый какой! – засмеялся Джованни. – А может, не галки, а голуби?

– Ты сказал: три галки?! – встрепнулся Марко.

– А что такого? – удивился Дзотто и поглядел на друга круглыми глазами.

Марко чувствовал, как внезапное волнение, от которого похолодело в груди, перерастает в горячее ликование, а в голове стучит маленький восторженный молоточек. Теперь он знал наверняка: нечто удивительное и необъяснимое все же произошло сегодня, потому что три галки были только на старинном купеческом гербе семьи Поло. Правда ли? Дзотто мог ошибиться. Но если это так...

– Я ухожу, – сдавленно пробормотал Марко.

– Мы же хотели... – начал Джованни сердито.

– Нет, нет, я спешу! Я очень спешу!

– Куда?! – Джованни с досадой тряхнул белокурой головой. Но Марко уже мчался мимо складов, таверн, лавок, мастерских и соборов, мимо патрицианских палаццо и крытых соломою, солидных купеческих домов, через площади, набережные и каналы.

Вот выплыл из лилового тумана остров Риальто... Вот начался квартал Сан-Джованни Кризостомо... Вот близ монастыря Сан-Лоренцо возник старый дом, похожий на пришвартованный к набережной, отслуживший корабль...

В темноте у пирса покачивалась гондола и шаркала бортом о неровную каменную кладку. Чужие люди выгружали тюки и втаскивали по лесенке в широко открытые двери. Рядом стоял слуга, держа в руке зажженную свечу. Дрожащий огонек освещал его растерянное, морщинистое лицо.

По комнатам и переходам стучали торопливые шаги, мелькали тени, раздавались тревожные голоса.

– Синьор Марко! Синьор Марко!

Он оглянулся и узнал блестящие глаза Занины. Раньше она никогда его так не называла. Марко побежал по длинному коридору и остановился на пороге зала, когда-то служившего для приема гостей и торжественных трапез.

У яркого пламени камина сидели на скамьях те самые бородатые купцы... А рядом донна Флора, запрокинув голову, восклицала:

– Слава Господу нашему и Деве Марии! Слава Божьим угодникам! Вняли они молитвам несчастной вдовы, и дорогие братья ее вернулись! Никколо, Маффео, вот вы и дома. Сколько я слез пролила по вас! Сколько перенесла горестей и бед!..

Один из купцов сказал что-то другому на диковинном, чужом наречии, потом они поглядели на сестру и весело рассмеялись.

Увидев племянника, донна Флора всплеснула руками:

– Никколо, вот твой сын Марко! Погляди, какой молодец! Он ходит к ученому монаху, знает цены на товары, умеет грести и стрелять из арбалета!

Никколо Поло, коренастый и широкоплечий, с внимательными глазами, сказал ласково:

– Подойди ближе, сынок, дай-ка мне тебя разглядеть... – и прибавил, повернувшись к брату, такому же широкоплечему и густобородому: – Ну, Маффео, теперь у нас будет молодой помощник на обратном пути к великому хану...

Часть вторая В стране великого хана

Глава первая

*Весенние ветры... Полны ли они доброты?
Иль в злобе и ярости дикой свистят?..*

Ван Ань-ши

Дикие гуси летели со звонким гортанным криком над синей гладью Янцзы, над буйством вспененной рыжей Хуанхэ, над Юйхэ – Великим каналом.

На залитых водой полях крестьяне погоняли быков, волокущих грубые деревянные сохи, подвозили в скрипучих тележках просо и ячмень для посевов. Медленно текли в зеркале полей облака, на тополях с морщинистой корой поправляли прошлогодние гнезда аисты, долины млели в блекло-зеленой дымке, и теплый ветер трепал по склонам холмов седые метелки пустынного чия. Весна опустила на землю Хань.

Но ни одна девушка с нежным лицом и приподнятыми бровями не выходила, ступая крошечными ножками, в абрикосовый сад, не брала изогнутый пятиструнный цинь и не исполняла изысканную мелодию «Из радуги яркий наряд, из сверкающих перьев убор...» Пестрые акробаты не показывали на улицах представления в страшных масках под грохот барабанов и медные стоны гонга... Розовощекие дети с радостными криками не запускали под облака раскрашенного бумажного дракона...

Тишина царила в стране Хань – музыка и веселье разрешались только при дворе великого хана и в ставках монгольских нойонов.

Ясным днем, когда голубоватые утренние тени сменились резкими и короткими, возле яма, на краю мощеного тракта, остановился длинный ряд одногорбых верблюдов, навьюченных тюками в полосатых чехлах. Седобородый начальник каравана и погонщики в белых наголовниках вошли во двор. Китаец-толмач попросил слугу принести холодной воды.

Тинчжан, смотритель яма, поклонился караванщикам и сказал толмачу:

– Спроси, откуда они и куда направляются?

Начальник каравана ответил с достоинством:

– Если вопрос задан из любопытства, я отвечу на него из учтивости. Если же языком смотрителя руководит служебный долг, я отвечу с усердием. Переведи: по повелению великого султана Египетского Ал-Мелик эль Мансура посланы «корабли пустыни» в далекий путь с дарами для великого хана монголов. И дары эти составлены из платьев румийских, тканей венецианских и одежд александрийских, из шлемов франкских и мисирских, из лат, седел, уздечек, стрел, дротиков и мечей калджурских – все с инкрустацией из золота и серебра. И кроме перечисленного выше груз единственного в свете, сладостного египетского сахара. Аллах благословил наши труды, и мы близки к цели.

Тинчжан расплылся в улыбке и поклонился еще ниже:

– Может быть, почтенный начальник и его товарищи пройдут в помещение? Там они найдут все для спокойного и приятного отдыха.

Караванщик покачал головой в выгоревшем тюрбане:

– Несколько глотков воды подкрепят нас и мы двинемся дальше. Впереди – один переход до порога ханского дворца.

Постепенно у ямского двора собрался разный прохожий люд: торговец, едущий верхом на осле, носильщики с круглыми корзинами на бамбуковом коромысле, батраки с мотыгами на плечах, сутулые деревенские старухи, мальчишки и нищие в засаленных, грязных лохмотьях. Со свойственной китайским простолюдинам скромностью, они стояли поодаль и вполголоса переговаривались.

Смотритель продолжал кланяться почтительно и гостеприимно. Неожиданно лицо его вытянулось, он прислушался и, подняв вверх указательный палец, закричал тонким голосом. Слуги, испуганно открыв рты, бросились к конюшне и стали выводить сменных лошадей. Тинчжан вбежал в дом, через мгновение он появился, держа в трясущихся руках чайники с рисовым вином.

По тракту с пронзительным скрипом и звоном колокольчиков мчалась легкая повозка, запряженная четверкой взмыленных жеребцов. Возница гикал и крутил над головой ремennым кнутом. Позади, наклонив копья и косматые бунчуки, скакал отряд латников с хмурыми, обветренными лицами.

– Лошадей! – хрипло зарычал с коня грузный кипчак. – Лошадей разведчику великого хана господину Марко!

– Уже готовы, господин... Уже готовы... – залепетал тинчжан. Он приседал и униженно улыбался.

– Давай сюда. – Кипчак взял из маленькой, сморщенной руки китайца фарфоровый чайник, отхлебнул и крикнул от удовольствия. Спohватившись, он ткнул камчой в сторону кибитки. Тинчжан подбежал к ней мелкими шажками и откинул кожаный полог.

Из кибитки вышел широкоплечий семужень в синем монгольском чапане.

За отворотом его войлочной шапки блестела серебряная пайцза с изображением кречета. Он, не отрываясь, выпил горячий напиток и сказал по-татарски:

– Не торопись, сотник Толай. Все равно мы прибудем только к вечернему пиру. Великий хан не слушает о делах за чашей с вином.

– Любая важная вестъ или человек, состоящий на службе у великого хана, должны быть доставлены как можно быстрее, – возразил сотник. – Это радует ханское сердце, и это полезно. Иначе стоит ли держать столько лошадей в каждом яме и кормить столько бездельников.

Воины спешили, ожидая, когда ямские слуги принесут им напиток и приведут сменных коней.

Разведчик оглянулся, указав пальцем на караванчиков, спросил:

– Откуда они? – На его лице отражалось нетерпение и любопытство молодости.

Тинчжан с готовностью ответил:

– Караван идет из далекой страны мусульман и везет богатые подарки нашему владыке.

Арабы сложили руки на груди и поклонились, как бы подтверждая сказанное смотрителем.

– А там что за нищие?

– Местные жители, господин. Они действительно напоминают нищих, хотя среди них есть опытные торговцы, искусные ремесленники и усердные земледельцы. Судьба не избаловала их: они потеряли имущество, а некоторые и крышу над головой, потому и бродят по дорогам в поисках заработка.

– Почему же они не трудятся на строительстве новых крепостей? И почему они собрались здесь, мешая движению и нарушая порядок?

– Сиятельный господин прав: человеческая лень и праздное любопытство неискоренимы. И как говорили древние мудрецы: три зверя – это стадо, три красивых женщины – это роскошь, а три человека – это толпа.

– Ты слишком умно говоришь, смотритель, – вмешался сотник Толай и приблизил свое лоснящееся от пота, свирепое лицо к побледневшему лицу китайца. – А около яма бездельничает толпа бродяг. Ты говоришь: торговцы, ремесленники и крестьяне... А нет ли среди них разбойников и бунтовщиков? Может быть, они собрались ограбить иноземный караван, идущий в столицу? Ты говоришь: три человека – толпа... Но здесь их не три, а все тридцать три, и они не проявляют почтения перед лицом разведчика великого хана и его воинов.

Переваливаясь на кривых ногах, кипчак направился к людям, стоявшим с краю дороги. Некоторое время они молча смотрели друг на друга узкими, сощуренными глазами – приземистый, грузный степняк в длиннополном чапане, в боевых латах и шлеме, и робкие китайцы с желтоватыми, голодными лицами.

Наливаясь яростью, сотник замахнулся камчой и рявкнул медвежьим голосом:

– На колени, бродяги! Или я прикажу проткнуть копьями ваши тощие животы!

Китайцы покорно упали в грязь и пригнули головы. Кипчак постоял над ними, злобно сопя, потом резко повернулся и поманил тинчжана.

– Ты знаешь, что на этом отрезке пути я со своим отрядом охраняю гонцов и чиновников? Так вот, мы еще встретимся не раз, смотритель. Спешу исправить ошибки своей службы. И запомни: тот, кто говорит много, обязательно скажет что-нибудь лишнее, и ему придется укоротить язык!

Он схватил китайца за плечо тяжелой, мускулистой рукой, похожей на лапу беркута. Тинчжан сморщился, застонал и уронил пустые фарфоровые чайнички.

Махнув сотнику, молодой семужень сел в кибитку. Воины вскочили на коней, и кавалькада ринулась дальше по пыльному тракту.

Китайцы встали с колен, отряхнули одежду и медленно разошлись. Сокрушенно покачивая седой головой, тинчжан поднял чайнички и побрел к дому. Слуги сочувственно глядели на его согнутую спину.

Караванчики заняли свои места на верблюжьих горбах. Седобородый начальник сказал: «Во имя Аллаха...», и верблюды неохотно, с кряхтением и стоном бубенцов двинулись в путь.

Глава вторая

Когда и возвышенные свойства человеческой природы, и приобретенная ученость в человеке сочетаются, получается достойный муж.

Конфуций

Оставив мощный тракт, двое путников шли по тропинке через распаханное поле. Впереди опирался на посох пожилой монах с изможденным лицом в буром монашеском плаще и дырявом халате. За ним следовал рослый юноша лет двадцати в бедной одежде простолюдина.

С трудом перейдя по скользким жердям несколько ручьев, полных пенистой весенней воды, путники оказались на берегу стремительной, вольно разлившейся Хуньхэ. Уже зеленели молодая осока и густые заросли тамариска. За рекой красными маками цвела степь.

Старик в серых лохмотьях сидел на песке около ветхого челна и чинил гнилую веревочную снасть. Юноша приветливо обратился к нему:

– Да будут успешными ваши старания, почтенный рыбак. Нам бы найти вторую отмель, считая от места Лугоуцяо... Не откажите в помощи усталым странникам.

Старик хмуро поглядел на них и проворчал:

– Дошли бы до места по дороге, а к вечеру добрались бы и до Тайду.

– Нам не нужно в Тайду, нам нужна именно вторая отмель...

– Эй, оборванцы! – раздался вдруг резкий голос, и из-за куста вышел плотный человек с веслом в руках. – Кто это произнес «Тайду»?

– Простите меня... – всхлипнул рыбак.

– Да будет прославлено имя великого хана тысячу лет! Его столица называется Ханбалык! Ханбалгасун! И если я еще раз услышу про Тайду, старая крыса...

– Моя глупая голова плохо запоминает чужеземные названия. Простите меня, господин Вэй...

– Но мы ведь все-таки ханьцы, – вмешался юноша. – Кажется, и вы тоже, почтенный. Что же плохого в том, что мы говорим на своем языке?

– Великий хан повелел называть свою столицу Ханбалык, и те нерадивые подданные, которые не выполняют его повеление, рискуют испытать удары бамбуковой палки на своих пятках! – продолжал яриться Вэй.

– Мы жители дальних мест и не знаем всех новых законов, – примирительно сказал монах.

– Я – старшина рыбаков и отвечаю за порядок на этом берегу, – важно произнес Вэй. – Кто вы такие? И кого разыскиваете на отмелях Хуньхэ?

– Всего лишь своих родственников, почтенный старшина. Они живут в джонке, постоянно плавая по реке от предместий столицы до второй отмели у моста Лугоуцяо, и зарабатывают на жизнь, разводя уток. Но нам нужна лодка, чтобы найти своих родственников.

– Хорошо, – неожиданно смягчился Вэй. Он пристально посмотрел на них и добавил: – Я отвезу вас в своей джонке, если вы, конечно, заплатите.

Монах и юноша нерешительно пошли за старшиной рыбаков. Они сели в длинную лодку с высокими бортами, Вэй столкнул ее в воду и стал сильно грести против течения.

Помолчав немного, старшина поклонился монаху и тихо сказал:

– Наконец-то я встретил вас, отец Гао. Я ведь жду неусыпно уже три дня.

Монах вздрогнул и впился глазами в улыбающееся лицо Вэя.

– Вы меня ждали?! Ну что ж, значит, небу угодно, чтобы я миновал все опасности и благополучно прибыл к сроку, назначенному мне.

– Мы думали, что вы появитесь немного раньше. Мы вынуждены торопиться, и сегодня вам не придется как следует отдохнуть с дороги.

– Пусть это не беспокоит вас, – сказал монах.

– В джонке у второй отмели вы встретитесь с одним благородным и смелым человеком, который придет из самого тигриного логова. Он начальник китайского отряда, охраняющего дворец. Кровожадные варвары поверили в его покорность и преданность. Они не подозревают, что в сердце честного воина зреет неукротимая жажда мести, а светлый меч приготовлен для освобождения родной страны.

* * *

Весенний паводок скрыл длинную каменистую отмель. На ее месте, в клочьях желтой пены, торчали корявые палки – остатки лодочных причалов.

Два десятка больших джонок с плетеными тростниковыми домиками на корме и скрученными парусами покачивались у пологого берега. Около них белели тугим пером толстые домашние утки. Сизые дымки вились над очагами: женщины варили просяную кашу к обеду. Кто-то стучал деревянным молотком и сердито спорил с соседом. Полуголые дети ловили рыбу, опуская в коричневую воду сеть на веревке.

– Эй, бобыль Чжао! – позвал хриплым голосом сморщенный старик с несколькими белыми волосками на подбородке. – К тебе приехал сам господин Вэй и с ним еще двое.

Худой человек в заплатанной одежде зацепил подплывающую лодку багром и помог гостям подняться на борт джонки.

– Как дела, Чжао? – спросил старшина рыбаков, осторожно оглядываясь.

– Ждем вестей из столицы, господин Вэй.

Монах и юноша сели под дырявым навесом, устало уронив руки.

Вэй подмигнул хозяину:

– Итак, содержимое зажигательного снаряда доставлено, остается поднести пылающий факел. Кувшин разорвется, и тысячи огней разлетятся по великой стране.

Чжао принес низенький столик, на котором по-простонародному стояло всего два блюда с вареной рыбой и редькой, приправленной луком и кунжутным маслом. Гости взяли паровые хлебцы «мо-мо» и принялись за еду.

Монах пожевал немного редьки с хлебом, запил чистой водой и, поблагодарив хозяина, стал глядеть на зеленый берег.

На берегу утки щипали нежную молодую траву. У воды бегали трясогузки и кулики. Высоко над степью жаворонок разбрызгивал звонкое серебро радостной песенки. А над Хуньхэ кружились с громкими тоскливыми криками чайки.

– По степи едут два всадника, – произнес монах.

– Чжао, ступай на берег и пригласи их сюда, – попросил Вэй. – Святой отец и ты, парень, пройдите в домик, а я встречу гостя.

Монах Гао и его спутник вошли в полутемную комнату и опустились на циновку возле тлеющих углей очага. Скоро послышались шаги, приглушенный разговор, и Вэй, распахнув низкую дверцу, пропустил впереди себя человека в широком плаще, с головной повязкой, опущенной на глаза, и саблей у пояса.

Вошедший церемонно поклонился и сел напротив монаха. Вэй откинулся на пятки, почтительно сложив руки на животе. Юноша оставался в тени, за спиной своего старшего спутника.

Человек с саблей внимательно вглядывался в изможденное, бесстрастное лицо монаха. Красноватый свет гаснущих углей освещал его широко открытые черные глаза и крепко сжатые губы.

Молчание длилось слишком долго. Наконец Вэй тихо сказал:

– Не сомневайтесь, святой отец, все меры предосторожности соблюдены. Слуга нашего гостя остался с лошадьми неподалеку от берега. Чжао послал к нему своего помощника, а сам сторожит за дверью. Никто из жителей этих суденышек не обратил внимания на прибытие новых людей – вблизи оживленных предместий столицы подобное не редкость. Вы можете спокойно приступить к делу. Перед вами начальник тысячного отряда, благородный Чжан И.

– Я смущен и облагодетельствован тем, что лица столь высокого происхождения и звания обратились за советом к ничтожному монаху, действующему лишь по неисповедимой воле вечного неба, – заговорил Гао. – Эта весть донеслась «на спине карпа» за тысячи ли, и я проделал обратный этой вести путь с помощью своего ученика, преданного и смелого юноши Чэна.

– Святой отец Гао, я и мой друг – высокий начальник, главенствующий над ван-ки, не прельстились ханскими милостями и не забыли о пролитой крови, о жертвах и страданиях, постигших священную землю Хань. Мы не забыли о нашей попорченной чести и готовы отомстить или отдать свои жизни. Наши солдаты с нами, но без поддержки людей разных сословий в городах и селениях мы будем сметены варварскими полчищами...

Чжан И крепко сжал рукоять сабли и взволнованно наклонился вперед. Остановив его спокойным жестом, монах медленно произнес:

– Мои мудрые наставники, постигшие многое в науке познания божественного, заповедали мне никогда не поддаваться суетному волнению, не гневаться и не испытывать страха. Доблестный Чжан И, вы и ваш благородный друг (не имею чести знать его славного имени) готовы пожертвовать жизнью ради неверного и кровавого призрака победы. Ваши души возвышенны и бесстрашны, но вы в смятении и не знаете, на что решиться...

– Поэтому мы вызвали вас, святой отец.

– Итак, если даже все китайские солдаты, состоящие на службе хана, вступят в бой с его войском, они будут сметены и уничтожены. Еще одна напрасная жертва, опять тысячи погибших героев... Сразу восстать на Хубилая опасно и бесполезно. Что же касается «мини-стра-злодея» Ахмеда, о котором вы писали в письме...

– Не произносите это гнусное имя! – прошептал Чжан И. Он зажмурил глаза и схватился рукой за горло.

– Вы слишком взволнованны, – сказал монах укоризненно. – Правда, не зная ваших обстоятельств...

– О, отец Гао, – перебил его Чжан И, – в силах ли человек вынести позор, упавший на мою голову? Что вы знаете об этом бородатом демоне? Вы знаете, что он главный казначей, советник и любимец хана; что он терзает ханьцев подобно свирепому тигру-людоеду и задавил налогами всех – от ученого до ремесленника, землепашца и рыбака; что он собирает для себя столько же денег, сколько для самого Хубилая, а его корыстолюбивые чиновники издеваются над нашими святынями... Горе, причиненное им, необъятно, но так же необъятна ненависть, горящая в моем сердце!

Монах Гао покачал головой и сказал с горькой улыбкой:

– Ненависть отравляет душу человека, как яд – его тело. Очистите свое сердце, Чжан И. Помните, что мы стремимся покарать преступников и изгнать чужеземных завоевателей с родной земли во имя высшей справедливости, угодной небесным силам. Бешенство и разлитие желчи вряд ли помогут бороться с таким коварным и могучим врагом.

– Я открою вам свою боль, святой отец, и обнажу кровоточащую рану. Когда я был еще молод и служил в пограничном гарнизоне, Ахмед случайно увидел мою мать – а она была изящна и привлекательна – и приказал похитить ее. Мать не смогла перенести унижения, вскоре она заболела и отошла на запад, чтобы встретиться с отцом в стране Хаоли. Прошло время, я женился на красивой и скромной девушке благородного происхождения. Стиснув зубы, я старательно нес военную службу и добился повышения. Однажды, когда я был в карауле, мою жену насильно доставили к Ахмеду. Жена с трудом добралась домой и, оставив мне записку, выпила отвар ядовитых трав. – Чжан И опустил голову и глухим голосом продолжал: – Моя история может показаться нарочитой, но судьба наносит мне страшные удары, избрав орудием злую волю этого человека. Год назад мою четырнадцатилетнюю дочь постигла та же участь. Я написал жалобу в Верховный суд, но не получил ответа. Когда я вижу, как этого ненасытного, дурно пахнущего кабана несут в роскошном паланкине ко дворцу Хубилая, моя рука сама ищет рукоять меча. И только сознание, что я не успею добраться до него и смерть моя будет бессмысленна, – только эта мысль удерживает меня.

Чжан И умолк. Все сидели неподвижно, осторожно и тяжело дыша. Монах провел ладонью по своему изможденному, худому лицу и тихо сказал:

– Крепись и надейся, сын мой. Мне не пристало звать тебя на подвиг ради мести за твою великую обиду, но месть за великую обиду всего народа будет угодна небу.

Вэй и юноша зашевелились и кивнули головами. Чжан И выпрямился – истерзанный горем человек исчез, перед ними снова предстал суровый воин, готовый сражаться и умереть.

Глава третья

Великий государь государей Кублай-хан с виду вот каков: росту хорошего, не мал и не велик, среднего росту; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и, как роза, румян, глаза черные, славные, и нос хорош, как следует.

Марко Поло

На рассвете звезда Цэнь клонилась к закату.

У зубчатых стен Ханбалыка рассеивалась белесая мгла. Караулы на башнях погасили сторожевые огни.

Широкие, прямые проспекты, проложенные от одних ворот до других, чтобы в случае нужды отряды конницы могли стремительно проскакать через весь город, ночью были пустынные. Только в середине просторной площади, около водяных часов, бодрствовала вооруженная стража.

За квадратом неподвижных каналов, среди мраморных и деревянных покоев, построенных на месте прежнего императорского дворца, дрожала предутренняя тишина – тишина покорности и ожидания.

В парке журчали фонтаны, окруженные осторожно высаженными камфарными деревьями, цветами шаоцяо и кустами роз. В озере, под склоненными до самой воды ветвями ив, плескались лебеди и утки редких пород. На дорожки выходили робкие газели, фазаны волочили длинные хвосты.

У каждой двери стояли рослые ойроты в золоченых китайских латах и шлемах с павлиньими перьями. Они дремали, опершись на копья с пучками выкрашенных конских волос.

Мимо дремлющих стражей неслышно крался круглолицый мальчик лет двенадцати в шелковом зеленом халатике. В высоком зале, разрисованном узорами и цветами, мальчик присел на край овального бассейна и стал играть с золотыми рыбками, смело хватавшими его за кончики пальцев.

Обрюзгший, широкобедрый старик-евнух подошел сзади и зашипел:

– Ты что, рехнулся, Лун-юй? Давно не пробовал бамбуковой палки? Дворец ждет пробуждения величайшего...

Мальчик вскочил на ноги и мгновенно исчез, скрипнув резной ореховой дверцей.

За окнами воздух из сиреневого становился розовым. Скворец пробежал по мраморному подоконнику, заглянул веселым глазом и громко свистнул. Старик замахал на него руками:

– Тише ты! Рано, рано еще...

Во внутренних покоях дворца легкий ветерок раскачивал шелковые кисти, свисавшие с потолка, и занавеси малинового и бирюзового атласа, расшитые золотыми фениксами. В каждой кисти была скрыта драгоценная амбра, источавшая приятный, волнующий аромат. На низких столиках стояли фарфоровые вазы с ветвями цветущих вишен.

Уронив головы на шелковые подушки, растеряв золотые шпильки и туфельки, здесь спали усталые танцовщицы и певицы. Около них в беспорядке валялись флейты, лютни, хуцинь и кунхоу.

Лун-юй наклонялся над девушками, дергал их за волосы и щекотал им пятки. Девушки взвизгивали и просыпались. Мальчик беззвучно смеялся и продолжал свой путь. Он привык проказничать, зная, что не будет наказан. Недаром его звали Лун-юй (Красавчик), – девушки любили гладить его румяные щеки, обнимать и шептать на ухо нежные слова.

В следующей комнате спали служанки, подававшие ночью вина, фрукты и яства. Лун-юй осторожно перешагнул через кувшины, через рассыпанные на полу золотые яблоки,

индийские орехи, плоды манго и личи. Приоткрыв створку высокой, узорчатой двери, он заглянул в опочивальню.

В духоте, насыщенной пряными запахами, на пушистых коврах раскинулись бледные от ночного пьянства полуодетые красавицы. Мальчик без тени улыбки и озорства смотрел на их прекрасные лица.

Это были шестнадцатилетние монголки из племени хунграт. О таких в степи говорят: станом подобная тростнику, лицом – цветущему лугу, а глазами – глазам рассерженной рыси. Из племени хунграт, прославленного длиннокосыми певуньями и наездницами, ханы выбирают себе наложниц.

Лун-юй на цыпочках подошел к роскошной занавеси, сотканной из разноцветных шелковых нитей, опустился на колени и терпеливо склонил голову.

Неожиданно из-за занавеси высунулась смуглая рука и схватила мальчика за тугую косичку. Лун-юй вздрогнул и распростерся на полу.

– Благословенно пробуждение тянь-цзы... – пролепетал он испуганным голосом. Великого хана можно так называть, потому что он объявил себя императором Поднебесной и родоначальником новой династии Юань.

Коренастый пожилой монгол в длинной льняной рубаше и шапочке с большим изумрудом вышел на середину опочивальни. У него было румяное лицо, веселые глаза и седеющая борода.

Девушки проснулись, подхватили полы своих одежд и, поклонившись до земли, исчезли.

– О, величайший, – сказал Лун-юй, – начальник астрологов, мудрый Айсе, низжайше просит подняться на башню «Восхваление добродетели» и приказать солнцу взойти.

Через малое время четверо сильных рабов внесли кресло, в котором сидел великий хан, на высокую башню, украшенную голубыми изразцами. На верхней площадке, впереди группы уйгуров и китайцев, стоял худой человек с серыми глазами и рыжеватой, подстриженной бородкой.

Глава ханских звездочетов, личный врач великого лана и член Верховного совета, итальянец Изолио Паули из города Пизы всегда сохранял спокойствие и сосредоточенность ученого, пренебрегающего мирскими благами. Его честность Хубилай уважал и ценил. Но еще больше он ценил знания и опыт врача Изолио, или Айсе, как его называли здесь.

Подойдя к Хубилаю, звездочет торжественно произнес:

– Величайший, твои астрономы всю ночь наблюдали звезды, чтобы вычислить благоприятное время для начала весеннего кочевья. Скоро день этот будет найден, и мы почти наверняка и тайно сообщим о нем тебе.

Хубилай кивнул, и Айсе продолжал:

– А теперь, ослепительный, обрати свое лицо к востоку и прикажи солнцу взойти.

– О, ослепительный! О, величайший! Прикажи солнцу взойти! Сжался над нами и над всей землей, сын неба! – завyli астрологи, падая на колени и протягивая к хану руки.

Это был странный, хотя и неумолимый обряд, перешедший к монгольским ханам от сложного дворцового церемониала китайских императоров.

Хубилай подождал, пока на лимонно-золотом фоне нежной зари покажется оранжевый край солнца, и весело закричал:

– Волею вечного неба приказываю тебе, дневное светило, взойти и совершить свой путь над землей! И дать свет и тепло нашим подданным и всем живым тварям!

Сделав радостные лица, звездочеты вскочили на ноги. Айсе взмахнул платком. Внизу раздался хриплый рев боевых кожаных труб и грохот гигантских барабанов-наккаров. В звонце раскатилось грозное рыканье тигра, с ним слились тоскливые вопли обезьян. Куда-то с бешеным топотом поскакали всадники. Распахнулись двери и окна дворцов. Сотни слуг

побежали по лестницам и дорожкам, и дворец наполнился гулом множества голосов и прочих дневных звуков.

И, словно подчинившись приказанию великого хана, в небо раскаленным бубном выкатилось солнце.

Входя в прохладный мраморный зал, прихрамывая и опираясь на плечо Айсе, Хубилай спросил:

– Как твои успехи с получением золота? Хватило ли тебе туции, свинца и тибетского порошка? Соединились ли они хоть в одну золотую крупинку?

– Пока опыты не достигли желаемого, хотя я применил все, что советуют мудрейшие алхимики: мусульманин Джафар-эль-Суфи и германский принц Альберт. Придется продолжить поиски, – с достоинством ответил Айсе.

Поджав ноги в мягких сапогах, Хубилай сел на узорчатый диван у стола, накрытого белой шелковой скатертью.

Красивые мальчики с повязками, закрывающими рот и нос, чтобы не дышать на пищу великого хана, грациозно поставили на стол чаши со свежим кумысом и чаем по-монгольски, приготовленным с солью, молоком и бараньим жиром.

Величественный старик – начальник утреннего расстилания ханской скатерти – торжественно поднес блюда с жареной уткой и запеченной в сладком тесте ногой антилопы. Виночерпий неслышно подошел, держа в руках кувшинчики с крепким виноградным и еще более крепким рисовым вином.

Айсе покачал головой и спросил:

– Как здоровье тела и состояние души великого хана? Я вижу, что глаза его веселы и светлы, но ноги...

– Да, Айсе, ноги у меня пухнут, хотя мне и натирают их твоими мазями.

– Великий хан уже не молод. Нельзя есть столько мяса, нельзя пить вино, от этого пухнут ханские ноги.

Хубилай вздохнул, облизал жирные пальцы и подмигнул врачу:

– Ты говоришь правду, Айсе. Я люблю правду, но, пожалуй, больше люблю вино.

Он взял золотую чашу, усыпанную по краю рубинами, и протянул виночерпию.

Глава четвертая

Чтобы управлять людьми, хан должен быть умным, а чтобы люди покорялись ему, хан должен быть сильным.

Чингисхан

Обширный, богато украшенный зал приемов был пуст, только великаны-нукеры стояли по двое у высоких дверей с изображением извивающихся драконов. Нефритовые драконы, изогнув перепончатые хвосты, поддерживали потолок, отделанный перламутром и серебром в виде небесной сферы. Золоченые деревянные драконы разинули ужасные пасти под резными стропилами.

На восточной стене висело огромное шелковое полотнище, и на нем также извивался синий дракон – символ восточного ветра; на западной стене висело полотнище с белым тигром; на северной – с черной черепахой; на южной – с красной птицей.

Возвышение у северной стены венчалось восьмигранным золотым тронem с овальной спинкой, сверкающей алмазами, и подлокотниками в виде двух разъяренных тигров. Над тронem было укреплено белое знамя с фигурой свирепого всадника – монгольского бога войны Суульдэ и копьe с буйволиными рогами и косматыми хвостами яков.

Раздался гулкий удар гонга. Вошел распорядитель приемов – тучный китаец в роскошной одежде. Он встал поодаль от дверей, низкими поклонами встречая придворных, явившихся к утреннему выходу государя.

Первым переступил порог широколицый мрачный монгол в потертом чапане и простых сапогах. За ним – худощавый китаец в скромной одежде ученого. Его сопровождали несколько стариков в белых халатах и колпаках звездочетов.

Китаец поклонился с приветливой улыбкой:

– Тысяча пожеланий здоровья и благоденствия доблестному Сугату-нойону, преданному полководцу и соратнику великого хана.

– Привет и уважение Го Шоу Гину, заведующему башней непрерывного согласия с небесами, – ответил монгол, глядя в сторону.

Сложив руки на животе и расставив косолапые ступни, Сугату-нойон размышлял: «Если бы священный правитель увидел двор Хубилая и людей, стоящих во главе управления государством, он бы огорчился. Когда монголы завоевывали Желтую империю, они предполагали вырезать всех китайцев – злокозненный и упорный народ, снести их душные города и превратить земли в привольные пастбища для наших славных багатурских коней, для тучных быков и бесчисленных отар мелкого скота. Это не удалось совершить, потому что ханы сочли более полезным оставить жителей в городах и брать с них налоги и подати. Взимают эти подати мусульмане – наши старые враги, но теперь многие из них стали всесильными сановниками. Рядом с мусульманами стоят у трона белолицые выходцы из туманных стран Запада – они враги мусульман и гордятся, потому что их шеи не испытали крепких ударов монгольской плети, а Хубилай им доверяет. Среди семидесяти шести астрологов придворной «небесной башни» пятьдесят китайцев, остальные – уйгуры и персы. Да что вспоминать об астрологах, когда назначаются командующие китайскими десятитысячными отрядами, и им поручается охрана дворца. Это ли не предосудительно? Это ли не опасно? Хубилай собрал всех знатных монголов, одел их в китайские одежды, подарил им китайских певиц и держит постоянно перед глазами, потому что не доверяет. Да и сам великий хан окитаился, принял титул «тянь-цзы», и хотя он пьет по утрам кумыс и чай с бараньим салом, но предпочитает крепкое рисовое вино. Наследник престола носит халат с драконами и не желает говорить по-татарски. Горько смотреть на это, тяжкие настали времена... Ой-бой, какие времена!»

Вошли трое христиан – один молодой и двое пожилых, с сединой в окладистых бородах. Они раскланялись и продолжали между собой разговор.

– Когда мы приехали в Канбалук и я поставил тебя, совсем юного, перед великим ханом, сказав: «Это мой сын, государь, а твой слуга», – я не мог и подумать, что наша жизнь сложится здесь подобным образом, – говорил Никколо Поло, обращаясь к Марко.

– Что и толковать, – подхватил Маффео, – милости великого хана не оскудевают, награждения и льготы даются нам постоянно, а при дворе мы бываем чаще, чем иной темник или царевич.

Маффео откинул плащ багряной парчи и выпятил обтянутый шелком круглый живот.

– Да, сын мой, – усмехнулся Никколо, – твое возвышение на службе татарского владыки наполняет ветром радости наши паруса. Ты уже стал мужчиной, и я не боюсь, что избалую тебя непомерными похвалами.

– Клянусь Господом Богом и святыми угодниками, ты стал любимцем хана, джованетто! Вот и сегодня неспроста приказано явиться к утреннему выходу. Что и говорить, судьба еще не повернулась к нам задом!

Марко посмеивался, слушая самодовольные речи стариков. Его глаза уверенно блестели, крепкая грудь дышала ровно, – он был спокоен, как умудренный опытом царедворец.

Он вырос при дворе татарского хана, превратившись из застенчивого юноши в исполнительного чиновника и смелого воина. Он чувствовал себя избранником судьбы, подарив-

шей ему огромный мир, неизвестный жителям европейских городов, и позволившей в расцвете молодости испытать все радости, возможные в завоеванных монголами империях Цинь и Сун.

В домах Поло накапливались богатые и редкие товары – от парчи, букарана и тончайших шелков до индийского жемчуга, бадахшанских рубинов и пряностей страны Мян. В конюшнях били копытами туркменские аргмаки, поджарые кипчакские иноходцы и арабские красавцы с ногами, как струны, и глазами газелей. Венецианцам прислуживали усердные рабы и рабыни с танцующей походкой и тонким голосом.

Но пресыщение не коснулось души Марко Поло. Сложные поручения хана, требовавшего от своих доверенных решительности и быстрого исполнения, многодневные походы через горы и пустыни, осады городов, стычки с разбойниками и дикими племенами Тибета, интриги и вражда между придворными – все это тоже было его жизнью. Дороги закалили его тело, а сложная обстановка монгольского двора развила и укрепила ум.

Марко свободно говорил по-татарски, по-персидски, по-уйгурски, по-арабски и овладел четырьмя письменностями. Своим докладом о разведке только что покоренных областей Манзи венецианец удивил не только Хубилая, но и его сановников и военачальников.

Многие из них входили сейчас в зал приемов. Вот бухарец Насыр-ар-Дин, бестрепетно встретивший и отразивший нападение двух тысяч боевых слонов царя Мян и сделавший подвластной Хубилаю страну полуголых людей, стреляющих отравленными стрелами и возводящих в джунглях золотые пагоды. Вот другой знаменитый полководец – насмешливый, горбоносый сириец Мар-Саргис, а за ним – суровый турок Зульфакар, которого Хубилай посылал вместе с Марко в страшную пустыню Такла-Макан добывать онданик – руду для выплавки первосортной стали. Там Марко откопал сокровища мертвого города Хара-Хото, слышал шепот злых духов, отвлекающих в сторону, и, преодолев море гибельно веющих барханов, нашел окаймленное райской зеленью заколдованное озеро – то чудесным образом исчезавшее, то вновь мерно плещущееся на прежнем месте.

Вот широкоплечий, дородный перс Ахмед в собольем плаще поверх полосатого халата и в шафрановой чалме с алмазным пером – человек, назначающий чиновников и собирающий налоги со всех областей империи, человек, которому необыкновенно доверяет великий хан. За ним следовали секретарь и писцы с бумагами и чернильницами.

Входили монгольские ханы и нойоны, одетые в китайские шелковые халаты – ленивые, разжиревшие, отвыкшие от войны, забывшие счастье бешеной скачки. Входили мусульмане с бородами, выкрашенными хенной, и со сверкающими перстнями на волосатых пальцах. Входили китайцы – военные и ученые-конфуцианцы, начальники фокусников и музыкантов.

Все низко склонились перед бледным и болезненным наследником престола, царевичем Чингисом. Он снисходительно кивал плоским лицом и обмахивался изящным веером из слоновой кости. Голубой халат, расшитый драконами, висел на его худых плечах. Царевич морщился, поглаживая висок слабой рукой с длинными, заостренными, покрытыми красным лаком ногтями.

Ему нравилась китайская изысканность, он ненавидел похотливых, напыщенных мусульманских вельмож и своих рыгающих кумысом сородичей. Сказаниям о степных багатурах царевич предпочитал замысловатые притчи китайских мудрецов.

Придворные, расступившись, вновь сомкнулись за узкой спиной наследника. По полу волочились их длинные шелковые одежды с золотой вышивкой – цветами, танцующими фениксами и драконами, переливались парчовые мантии, отороченные соболем и серебряной лисой; сверкали ожерелья из драгоценных камней и крупных жемчужин, вспыхивали алмазные застёжки; на круглых шапочках покачивались резные нефритовые подвески и вздрагивали высокие султаны из перьев павлина и зимородка.

Среди этого великолепия и непомерной роскоши бросались в глаза скромные одежды астрономов и старый походный чапан Сугату-нойона.

Позади всех, заложив руки за пояс и сощутив холодные зеленоватые глаза, стоял огромный и сутулый начальник монгольской стражи, темник Кагатай.

Нукеры распахнули двери в южной стене зала и, стукнув древками копий, замерли.

Придворные, полководцы, ученые и астрологи опустили на колени и прижали лбы к полу.

Хубилай вошел, прихрамывая. Он сел на трон, побарабанил пальцами по головам золотых тигров и поманил распорядителя.

– Пусть поднимутся, – сказал он, усмехаясь, и сделал знак Айсе, стоявшему позади трона.

Айсе подошел к наследнику Чингису и почтительно предложил ему занять место рядом с великим ханом. Царевич, лизнув отцу руку, сел на верхнюю ступеньку тронного возвышения.

Хубилай похлопал его по спине и махнул рукой толстяку китайцу.

– Тянь-цзы изъясняет своим преданным слугам высочайшее благоволение. Остаться приказано: господину главному казначею, советнику Ахмеду; господину Циньго Гуну, советнику Айсе; блистательному водителю наших непобедимых воинов Сугату-нойону; отважному и преданному начальнику тумена «бесстрашных» Кагатаю; отважному и преданному начальнику китайского тумена Ван-Чжу; разведчику великого хана господину Марко и с ним господину Никколо и господину Маффео; заведующему непрерывным согласием с небесами, почтенному Го Шоу Гину и его помощникам.

Распорядитель, отдуваясь, умолк. Все придворные опять опустили на колени и, следуя старинному обычаю монголов, прокричали:

– Великий хан приказывает – мы покоряемся!

После чего распорядитель, покраснев от натуги и как бы придя в высшую степень восторга, пронзительно завопил:

– По воле вечного неба и по великой его милости к нашему государю да будет благословенно имя хана и да помрут и исчезнут все ослушники!

Придворные поднялись, почтительно сложили руки на животе и, пятясь мелкими шажками, покинули зал. Остались только те, кому было приказано.

– Подойдите ближе, – сказал Хубилай. Он кивнул писцам – уйгурам и китайцам, чтобы они усаживались за столики со своими каламами, кисточками и бумагой.

Все документы при дворе великого хана велись иероглифами – цзы, уйгурскими буквами и, главное, новыми письменами, придуманными мудрыми тибетскими ламами для удобства завоевателей.

Хубилай поглядел на собравшихся в кружок придворных-христиан, монголов, китайцев, мусульман, еще раз усмехнулся и, усевшись поудобнее, приготовился слушать доклады и разбирать дела.

Вперед выступил советник Ахмед, он взял у секретаря свиток холеными руками и слегка откашлялся, собираясь читать донесение.

– погоди, Ахмед, – неожиданно произнес хан, нахмурившись. – погоди и дай начать астрологам. Говори, Айсе.

Последнее время казначей и ближайший советник чем-то раздражал великого хана. Может быть, излишняя самоуверенность перса, слухи о накопленных им богатствах, которые будто бы соперничали с ханской казной, и бесконечные жалобы о превышении полномочий стали доходить до сознания Хубилая, хотя раньше он пропускал все это мимо ушей.

«Вот и Айсе недолюбливает Ахмеда, и умные купцы Поло... Правда, они латиняне, издавна враждующие с мусульманскими людьми. Вот угрюмо косится на алмазы и жем-

чуга казначея верный старик Сугату, а мой сын, царевич Чингис, прямо ненавидит его. И китайцы... Больше других злы на Ахмеда китайцы, а ведь они тоже мои подданные и притом самые многочисленные...» Нелегко разобраться в собственных мыслях и решить: стал ли советник менее преданным, менее почтительным и менее полезным. Хубилай думал, поглаживая редкую седеющую бородку, потом взглянул на желтоватое лицо сына и раздраженно подтвердил:

– Да-да, Ахмед подождет. Говори, Айсе.

В черных глазах перса мелькнуло недовольство, однако он торопливо отступил и вернул бумаги секретарю.

Айсе, доброжелательно улыбаясь, обратился к заведующему обсерваторией Го Шоу Гину:

– Почтеннейший Го, покажи государю новый календарь «ши-хунь-шу».

Китаец протянул хану толстую книгу в роскошном бархатном переплете, украшенном золотыми фениксами – птицами счастья.

– О, величайший, – сказал он, опускаясь на колени, – благоволи принять плоды трудов твоих скромных звездочетов. В этой книге «непрестанного согласия с небесами» обозначены дни по двадцати восьми созвездиям и двенадцати счастливым предзнаменованиям, даны дни и часы новолуния и полнолуния Ханбалыка и Шаньду, для Монголии и всех подвластных стран. Кроме того, в «ши-хунь-шу» обозначены различные предуказания о благоприятных и неблагоприятных днях свершения самых разных дел и многое другое, полезное в жизни, дающее уверенность, услаждающее ум и возвышающее душу.

Хубилай мерно кивал головой и улыбался: разговоры о «небесных делах» всегда казались ему умиротворяющими и приятными. Он принял книгу из рук Го Шоу Гина и спросил:

– А сколько подобных календарей изготовлено для людей разных сословий?

– Немного больше тридцати тысяч, взятых по десять и еще раз по десять раз. Они всевозможных цен и доступны многим.

– Ты порадовал меня, Го. Приказываю наградить астрологов и гадателей, трудившихся над составлением этой благочестивой книги. Го Шоу Гин будет находиться при мне во время летней кочевки, потому что душа моя испытывает удовольствие при виде такого достойного и ученого человека.

Хубилай сжал кулаки, выставив большие пальцы, и громко засопел. Зная, что таким способом великий хан выражает свое особое расположение, приближенные почтительно опустили головы.

Хлопнув ладонями по коленям, Хубилай весело продолжал:

– Ну а что говорят твои предсказатели, мудрый Го? И когда ты условишься с Айсе и доложишь мне, что пора вызвать баларгучи и приказать свертывать войлоки, грузить юрты и седлать коней?

Хубилай сам рассмеялся своему остроумию, и все присутствующие переглянулись и рассмеялись. Толстый распорядитель приемов налился кровью и зажал себе рот ладонью, будто бы с трудом удерживаясь от хохота.

Великий хан говорит о сборах, как одетый в продымленную овчину пастух. На самом деле ханское кочевье из столицы в летний дворец Шаньду представляет собой невиданно роскошное и многолюдное шествие. Разве не двинутся длинные вереницы равнодушных мохнатогорбых верблюдов, несущих все необходимое, чтобы ежедневно кормить изысканными яствами и поить дорогими винами привередливую толпу придворных? Разве не побегут тысячи проворных слуг и разнаряженных ловчих с борзыми собаками и ручными гепардами в поводу, не поскачут блистающие доспехами всадники с реющими на ветру бунчуками? И сам великий хан как будто поедет в войлочной кибитке под пронзительный визг тележной оси, а не в бамбуковом домике, обитом изнутри тигровыми шкурами и водружен-

ном на спину белого слона... Что и говорить, владыка монголов, китайцев и сотни других народов, платящих ему неисчислимую дань, умеет тонко шутить!

Го Шоу Гин низко поклонился и ответил тихим голосом:

– О, величайший и ослепительный, разреши ничтожным астрологам подождать благоприятного сочетания созвездий и после согласования с почтенным советником Айсе доложить наилучший день для начала твоего царственного пути. Вот прибывший из далекого монастыря предсказатель и астроном Гао, он поможет нам в поисках счастливой истины.

Худой монах с обветренным спокойным лицом вышел вперед и наклонил бритую голову.

– Давайте, ищите побыстрее, а то вон уже и степь покраснела от маков, и кобылицы носят переполненное вымя, и овцы беспокоятся, и ветерок подсушил дороги, – сказал Хубилай и, махнув рукой, добавил с хитрой усмешкой: – Наверно, звезды на днях расставятся так, как нужно моим мудрым гадальщикам, чтобы объявить начало кочевки. Так, ну ладно. Эй, Ванху!

Красивый молодой темник Ван Чжу стремительно приблизился и остановился перед ханом. Хубилай одобрительно поглядел на него.

– Проверь как следует твоих китайских солдат, Ванху. Назначаю тебя начальником охраны дворца во время моего отсутствия. Ты исполнительный и лихой воин, я доволен тобой.

Лицо китайца вспыхнуло радостью, он упал ниц у ступеней трона, легко поднялся и попятился к выходу.

Поглядев ему вслед, Хубилай медленно проговорил:

– Что ж, надо бросить кость и китайцам. Пусть Ванху дни и ночи не сводит глаз с пустого дворца. Это большая честь, и пусть вместе с ним гордятся все мои мудрецы, историки, повара и певицы. Ты недоволен моим решением, Сугату? Что ты надулся, старый барсук?

Сугату-нойон молча развел руками. Хубилай по-свойски подмигнул ему:

– Пришел ко мне на прием в старом чапане, порядка не знаешь?

– Я прямо со смотра войск восточных провинций. Скакали к тебе всю ночь... – пробормотал Сугату-нойон, злобно покосившись на расшитые изумрудами сафьяновые сапоги Ахмеда.

– Ну и что показал смотр?

– Твоя конница быстра, неутомима и готова к войне.

– Не теряя времени, ты поддержишь доблестный пыл моего сына Чингиса и его именем приведешь к покорности богатую страну Гаоли.

Когда царевич Чингис и старый полководец покинули зал приемов, Хубилай поманил грузного, крупно сложенного человека, почтительно оглаживающего свои пышные и длинные, как ковыль, усы. Хан жестко сказал ему:

– Мой рыхлый, запутавшийся в китайских шелках двор не позже чем через семь дней откоует со мной к летнему дворцу. Я оставляю тебя здесь исполнять мою волю, Кагатай. Следи за китайцами и, если понадобится... – Хубилай поднял короткий палец. – Если понадобится, залей кровью этот город или сто других городов вокруг. Закрой сердце для жалости и будь подобен свирепому монгольскому волкодаву.

Плосколицы Кагатай удовлетворенно подумал о том, что за начальником китайских солдат давно ведется тайное наблюдение. Тридцатилетний Ван Чжу позволял себе иронически усмехаться, встречая в дворцовом переходе неуклюжего Кагатая, напавшего на свое медвежье туловище серебристую хорезмскую парчу. Великий хан благоволил этому красивому китайцу. Но Кагатай знал, что рано или поздно ему придется испытать огорчение.

Кагатай видел, как веселой и угодливой лестью Ван Чжу прикрывает источившую его ненависть... И Кагатай понимал, что ненависть эта не бесплодна.

– Внимание и повиновение, – ответил Кагатай хану и наклонил сутулые плечи.

Глава пятая

Правитель жаловал земли и титулы, говоря: «Прежде всего уважайте добродетели и не противьтесь моим приказам».

Сыма Цянь.

Исторические записки

Тонкие резные колонны поддерживали островерхую крышу беседки, покрытую фарфоровой черепицей. Хубилай перешел сюда, чтобы продолжить государственные дела, вдыхая утреннюю свежесть, глядя на цветы и побеги дерева «гань».

По обе стороны от беседки текли искусственные ручьи и наполняли круглый бассейн, облицованный желтоватым мрамором. На поверхности воды слегка покачивались индийские лотосы.

Хубилай откинулся на подушки, медленно прихлебывая из чаши, которую китайченок Лун-юй наполнил густым вином. Хубилай потихоньку прищелкивал языком, наблюдая, как бабочки кружатся над белыми бутонами шаоцяо, и думал: «Пришла еще одна весна, я пока крепок и пью вино – ароматное, золотистое и шипучее, похожее одновременно на молодой кумыс и на майский мед. Оно долгие годы хранилось в императорских подвалах и называется “Бамбуковые листья”. Почему? Станные люди китайцы. Хитрые, упрямые люди. Как названия, так и мысли их чрезмерно изощренны и запутанны. На кого можно положиться теперь? Толстомордые ханы с нетерпением ждут моей смерти и воцарения безвольного Чингиса. Портятся мусульмане – говорят, слишком дерзок стал Ахмед... Может быть, положиться на латинян? Без меня их разорвут в клочья и монголы, и мусульмане, и китайцы».

Айсе наклонился из-за плеча вовремя, как всегда:

– Государь, разреши объявить разведчику Марко о его новом назначении.

Великий хан отставил чашу с вином.

– Да, Марко, я решил возвысить тебя за твое усердие и находчивость.

Айсе взял со столика золотую пайцзу с головой тигра и бумагу, написанную квадратными уйгурскими письменами.

– Разведчик великого хана, господин Марко, – сказал Айсе, – ты поедешь в завоеванную страну Манзи, которую хорошо узнал, исполняя повеление государя. Ты назначешься наместником в главном городе области Янчжоу-фу, расположенном на Юйхэ – Великом канале.

Марко принял из рук Айсе золотую дощечку и грамоту с красной печатью.

– А ты, Никколо, оставайся в Ханбалыке со своим братом, – добавил к сказанному Хубилай. – Торгуй, чем хочешь, я ведь освободил тебя от всех пошлин. Торгуй, но не забывай замечать и докладывать, если узнаешь что-нибудь важное.

Наконец великий хан повернулся к Ахмеду.

Казначей коснулся рукой своей шафрановой чалмы, поцеловал кончики пальцев и произнес укоризненно:

– Позволь, государь, твой слуга приступит к докладу о состоянии и доходах ханской казны.

– Дзе-дзе, – кивнул Хубилай и отхлебнул из чаши. – Мы слушаем о доходах...

Марко показалось, что великий хан сказал «о доходах» как-то двусмысленно, скосив узкие глаза мимо казначея на голубоватую тень, лежавшую у входа в беседку.

Ахмед взял бумаги у секретаря, высоко поднял голову и уверенно расправил широкие плечи.

– Казна находится в неуравновешенном состоянии, ибо обстоятельства сложились затруднительные и сложные... – начал Ахмед и обвел всех взглядом, как бы говоря: «Вот что сейчас важнее всего для государства, а не возня с астрологами и награждение разведчиков». Он провел ладонью по бороде и продолжал: – По-прежнему много средств поглощает затянувшаяся война с презренным императором сунов.

Ахмед сказал «затянувшаяся война». Так говорить в присутствии великого хана было излишне смело. Хубилай поднял брови и стал смотреть на перса с выражением холодного ожидания.

– Кроме войны с сунами приходится посылать войска в страну Тибет, где упорные и злобные горцы не хотят принимать бумажные деньги государственного печатного двора и требуют хождения серебряных и медных монет. Вооружение и прокормление этих дополнительных войск в суровой горной стране – вот второе обстоятельство, наносящее урон ханской казне. Сбор войск восточных провинций, доставка туда хлеба и оружия к началу похода на страну Гаоли – вот третье обстоятельство. Приближается священный день весеннего кочевья. Личный обиход великого хана, десять тысяч придворных и отборная конница, охраняющая ставку государя, требуют подобающего им содержания. В Ханбалыке пять тысяч гада-телей и астрологов, получающих деньги и хлеб из ханской казны. И ежедневно тридцать тысяч бедняков приходят к пекарням, потому что великий хан приказал бесплатно кормить не имеющих работы, больных и увечных...

Хубилай сидел, положив руки на колени поджатых ног, и внимательно слушал.

– К чему ты перечисляешь все эти обстоятельства, Ахмед? – внезапно спросил он. – Разве мы настолько обеднели, что уже не можем прокормить калек или наших доблестных воинов?

– Сейчас весна, государь, пора посевных работ, а ведь твоим многочисленным туме-нам кроме баранины и кумыса нужны лепешки и каша... Китайцы прячут просо, ячмень, пшеницу и даже отказываются от весеннего сева. Посланным мною чиновникам приходится пытками вынуждать земледельцев отдавать спрятанное зерно, и они вешают таких злокоз-ненных негодяев на воротах их собственных домов. Прикажи, государь, отобрать в казну не менее ста тысяч чи пахотной земли и отдать ее в аренду уйгурам и мусульманам из Хорезма. Если ханская казна получит с этой земли семьдесят раз по сто тысяч мешков хлеба, этого хватит, чтобы обеспечить едой самую огромную армию.

– Советник Ахмед забывает, что земледельцы, у которых он собирается отнять пашни, верные подданные великого императора новой династии Юань. Такой произвол может нане-сти ущерб доброму имени нашего государя, – сказал Айсе.

– Я предвидел твои возражения, советник Айсе... – Ахмед понизил голос, с тревогой глядя на застывшее лицо Хубилая. – Мы не повредим сиянию славы великого хана и молве о его беспредельной щедрости. Мы не станем отбирать землю безвозмездно. Казна приобретает ее посредством покупки на новые бумажные деньги ханского печатного двора.

Хубилай широко раскрыл глаза, и в них появился довольный масляный блеск. Ахмед почувствовал, что пробил ледяную стену подозрений, заслонившую от него расположение беспощадного татарского владыки.

– Если кто-либо из китайцев (чиновников или простолюдинов) владеет более чем ста му плодородной пашни, то надлежит взять эту землю в казну с уплатой владельцу известной суммы, которая определяться должна величиной ежегодного налога, взимаемого зерном и прочими плодами деревенского труда.

Покачиваясь на подушках, Хубилай ухмылялся.

Айсе отвернулся с досадой, а венецианцы насторожились – им было понятно, что хитрый перс одержал победу над рассудительностью врача.

– Участок земли, приносивший оброку один мешок зерна, будет оценен в двести тысячных связок китайской медной монеты, – продолжал Ахмед. – Предупреждая милостивое согласие государя, я приказал доверенным людям скупать земли в областях Су-чжоу, Хучжоу и Чже-цзян.

Казначей уже ничего не опасался, он произнес последние слова с доверительной улыбкой, уместной между очень близкими людьми, стремящимися любой ценой добиться укрепления государства.

Хубилай одобрительно кивал коварному мусульманину, своему Ахмеду, ненавистному и китайцам, и латинянам.

Ничего не скажешь, столь опытному и полезному человеку стоит сохранить жизнь и благополучие. Он один способен осуществить свой многообещающий план, потому что Айсе излишне добродетелен для такого дела или, может быть, он не хочет потерять дружбу китайских астрономов и лекарей.

Умные, расчетливые купцы Поло преданны, но им не следует давать власть сверх меры, они здесь чужие и втихомолку поглядывают на караваны, уходящие в западном направлении.

Хубилай сказал:

– Ты находчивый и мудрый советник, Ахмед. Мне понравилось то, что ты придумал. Продолжай покупать землю, сдавай ее в аренду кому хочешь, и, надеюсь, через год мы будем завалены зерном по самые уши. А теперь прояви усердие и наскреби хоть мешок проса – не могут же мои багатуры оставаться голодными!

Великий хан любил пошутить и сам радовался своим шуткам – глаза его превратились в узкие щелки, скулы лучились румяными морщинами, верхняя губа вздернулась над широкими редкими зубами. Ахмед стоял напротив, открыв рот, колыхая пышной бородой и шелковым полосатым чревом. Айсе вежливо улыбался. Смеялись Пикколо, Маффео и новый наместник области Янчжоу-фу господин Марко.

Глава шестая

*Ничтожная искра таким разгорится пожаром,
Как будто бы вспыхнут там тысячи тысяч
костров...*

Древнекитайские стихи

Узкие улицы предместья спускались от стен Ханбалыка к каналу, где сотни полуголых грузчиков с утра до позднего вечера разгружали большие джонки, беспрерывно подплывавшие к пристаням.

Между гостиницами, купеческими складами, харчевнями и покосившимися домиками, обмазанными глиной и коровьим навозом, толпились живущие здесь ремесленники, мелкие торговцы, голодные чиновники, вычеркнутые за провинность из чиновничьих списков, убежавшие из «веселого квартала» девицы, содержатели притонов, в которых курят и глотают одурманивающие шарики опиума, кулины, пекущие пирожки с человечинкой, старухи, торгующие своими дочерьми, переодетые стражники, пьяницы, сводники, воры, бродячие костоправы и покрытые паразитами нищие в засаленном, вонючем рванье.

На углу одной из таких шумных улиц, подле изваяния Будды, стоял низенький, босоножный монах, он продавал благовонное масло и нараспев говорил:

– Достопочтенные благодетели! Не забудьте пожертвовать на масло для фонарей! Вознесите молитвы о продлении дней ваших и счастья на земле!

Некоторые прохожие покупали одну-две бутылочки с маслом, бормотали молитву и шли своей дорогой. Монах опускал бумажные деньги в мешочек, висевший у пояса, и продолжал зазывать жертвователей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.